

АРОНОВ АЛЕКСАНДР

ПРОБУЖДЁННЫЙ:
ВОЛКИ
ГРЕЙМУРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Пробужденный

Александр Аронов

Пробужденный: Волки Греймура

«Автор»

2026

Аронов А.

Пробужденный: Волки Греймура / А. Аронов — «Автор»,
2026 — (Пробужденный)

«Говорят, у страха глаза велики. У меня они просто золотые и без зрачков. Неудобно, когда смотришь на собеседника, а он думает, что ты смотришь ему прямо в душу. Хотя, если честно, в большинстве случаев я именно туда и смотрю. Или туда, куда войдёт клинок». Малл'Тисс, тифлинг, ассасин в отставке, оказался в Греймуре с Системой в голове и без гроша в кармане. Вместе с разношёрстным отрядом он берётся за задания, попутно ища след убийц родителей своей подруги. Но когда из теней выходит культ, а боги начинают вмешиваться в дела смертных... В общем любовь и кровь с щепоткой юмора и золотом в инвентаре. Безумие только начинается

© Аронов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1: С нуля	8
Глава 2: Отряд	19
Глава 3: С боем на марше	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Аронов

Пробужденный: Волки Греймура

Пролог

Голова гудела так, будто внутри черепной коробки обосновался кузнец-гном и методично обрабатывал височную кость молотом под горькую дварфийскую балладу. Не боль — именно гул. Низкий, вибрирующий, отдающийся в рогах, словно в пустых печных трубах. Я попытался сглотнуть, но горло пересохло, язык прилип к нёбу, шершавый, как наждак. Веки налились свинцом, и потребовалось несколько мучительных мгновений, чтобы разлепить их.

Потолок. Доски — тёмные, покоробленные временем, с потёками чего-то бурого, что я предпочёл бы не идентифицировать. Одна из балок, поддерживающих кровлю, держалась на честном слове и ржавом гвозде, торчащем из неё под неестественным углом, словно сломанный палец. Архитектурный шедевр отчаяния. Я лежал и смотрел на эту балку, и где-то на периферии сознания вяло шевелилась мысль, что если она рухнет, то станет достойным завершением моей карьеры. Ассасин S-ранга, переживший десяток войн, убит потолочной балкой в дешёвой таверне. Ирония судьбы, достойная пера какого-нибудь циничного летописца.

Запах ударил следом — многослойный, густой, почти осязаемый. Дешёвый эль, тот сорт, что пахнет не солодом, а прокисшим хлебом, разбавленный водой из ближайшей лужи. Кислая капуста — её вонь поднималась откуда-то из-под пола, словно в подвале квасили целую бочку, забыв о ней на пару сезонов. Застарелый пот, въевшийся в деревянные стены и не выветриваемый никакими сквозняками. Моча — видимо, прошлой ночью кто-то из посетителей перепутал угол с отхожим местом. И под всем этим — сладковатый аромат плесени, свившей гнездо в щелях между камнями фундамента и расползающейся по стенам чёрными бархатистыми пятнами.

Если это загробная жизнь, то боги обладают отвратительным чувством юмора.

Я лежал на чём-то твёрдом. Не кровать. Лавка? Пол? Спина ощущала каждую занозу, каждый выщербленный сучок в доске, и казалось, что они отпечатались на коже навечно. Левая лопатка упиралась во что-то круглое — судя по размеру и текстуре, оброненную пробку от бочонка. Пробка впилась в мышцу, и я подумал, что, возможно, именно она не давала мне провалиться в окончательное беспмятство. Маленький, неудобный страж моего сознания. Спасибо, пробка.

Память услужливо, но обрывочно подбросила картины недавнего прошлого. Запах крови — свежей, с металлическим привкусом, как всегда бывает, когда вскрываешь яремную вену. Такой ни с чем не спутаешь. Рывок — короткое, отточенное движение, в которое вложены годы тренировок. Момент удара: клинок входит в атлант, в то самое сочленение у основания черепа, где кость тоньше, а мозг ближе. Хруст, который слышишь не ушами, а кончиками пальцев, сжимающими рукоять. Тело обмякает раньше, чем мозг жертвы понимает, что умер. Мозг — лучший глушитель криков. Чистая работа. Последний контракт. Жрец в отставке. Гильдия осталась позади.

А потом — голос.

Не в ушах. В костях. В самом основании черепа, туда, куда только что вошла моя сталь, но на этот раз — в мою собственную голову. Холодный, безличный, лишённый интонаций, как скрип несмазанной двери.

«Добро пожаловать в Систему. Имя: Малл'Тисс. Раса: Тифлинг. Ваши навыки оценены и пересчитаны под новую реальность. Интерфейс будет записан в мозг».

Я хотел выругаться, спросить, что за чертовщина, потребовать объяснений, но не успел. Сознание схлопнулось, как подброшенный в воздух и пойманный за горсть пепел.

И пусто.

Я сел. Движение вышло плавным, почти рефлекторным — тело убийцы помнит себя даже тогда, когда разум всё ещё барахтается в мутной воде непонимания, как муха в киселе. Мышцы отозвались знакомой, послушной силой, и это немного успокаивало. Значит, не парализован, не при смерти, даже особо не избит. Уже неплохо. Я провёл языком по нёбу, пытаюсь вызвать хоть каплю слюны, и поморщился от мерзкого привкуса — смесь кислого вина, желчи и металла. Видимо, пока валялся без сознания, кто-то пытался влить в меня местное пойло. Или меня стошнило во сне. Оба варианта одинаково отвратительны.

Левая рука скользнула к поясу привычным, тысячу раз повторённым движением. Пальцы коснулись рукояти кинжала — сталь, холодная, родная. Никто не позаботился разоружить бесчувственное тело. Первый плюс в копилку этого заведения. Или первый минус — в зависимости от того, с какими намерениями меня здесь оставили. Правая рука метнулась к сведённым ножам за спиной. Оба коротких клинка на месте, сидят плотно, не вытаснены. Меч восточной работы, закреплённый на левом бедре, тоже в ножнах, и его привычная тяжесть оттягивает ремень — знакомое, почти родное ощущение. Метательные ножи в нагрудных петлях: я быстро пересчитал их мысленным взором, пробегаясь по рукояткам. Четыре. Из пяти. Твою мать.

Пятого не было.

Я попытался вспомнить, когда и где мог его лишиться, но память услужливо подсовывала лишь бессвязные образы: жрец, его расширенные от ужаса глаза, клинок в моей руке, входящий в атлант. В тот момент все пять были при мне. Я пересчитывал их перед выходом — машинальная привычка, въевшаяся в подкорку. Значит, пропажа случилась позже. Или раньше? Где-то между смертью жреца и этим пробуждением в прокисшем аду. Пятый нож. Ладно, проверим позже. Если найдётся — хорошо. Если нет — куплю новый, благо деньги, судя по тяжести кошелька на поясе, при мне. По крайней мере, часть.

Под плащом дёрнулся хвост. Кисточка на конце хлестнула по голенищу сапога с резким, звонким шлепком, заставив меня самого вздрогнуть. Я замер, прислушиваясь к себе и к помещению. Хвост дёргался не от страха — от ярости. Контролируемой, холодной, запрятанной глубоко внутрь, но всё же ярости. Старый, верный индикатор моего истинного состояния. Когда разум спокоен, когда лицо — бесстрастная маска, хвост всегда выдаёт правду. Признак бешенства. У меня.

Я заставил хвост замереть усилием воли. Не время. Эмоции — роскошь, которую я не могу себе позволить, пока не пойму, где нахожусь и кто за это ответственен. Сначала — разведка. Оценка обстановки. Потом — действия. Старая имперская школа, вбитая в меня тридцатью годами службы. Сначала выживание, потом возмездие.

Взгляд прошёлся по помещению, цепляясь за детали. Таверна. Это стало очевидно с первого же осознанного вдоха. Низкий, давящий потолок с закопчёнными балками, на которых висела вековая паутина, смешанная с жирной сажой. Стены, когда-то, наверное, светлые, теперь покрыты неопишуемой гаммой пятен — от пролитого вина, копоти масляных ламп и, подозреваю, кое-чего похуже. Три стола, грубо сколоченных, со следами от кружек и ножей. На одном — перевёрнутая глиняная кружка, под ней растеклась лужа, ещё влажная, поблёскивающая в тусклом свете. Пролили совсем недавно. Может, из-за меня? Может, кто-то в спешке покидал заведение? Или просто пьяный задел.

У стойки — массивный бочонок с выжженным клеймом. Я прищурился, разбирая грубые, обугленные линии: «Старый бочонок». Название заведения или предупреждение о качестве содержимого? Скорее, второе. Бочонок стоял на полу, с врезанным краником, и от него исходил тот самый кислый, хлебный дух, что щекотал ноздри с самого пробуждения. Местный эль, судя по запаху, мог свалить с ног и орка. Или использоваться для чистки котлов.

Окно — единственное в зале, небольшое, забранное мутным, потрескавшимся стеклом в свинцовом переплёте. За ним — серый, размытый свет. Не утро, с его нежной розовизной, и не вечер, с багряными закатными полосами. Пасмурный день, когда невозможно определить время без часов или хотя бы тени. Тяжёлые, низкие тучи давили сверху, обещая дождь, который пока только собирался с силами. Воздух, проникавший сквозь щели в раме, был влажным, спёртым, с отчётливой примесью конского навоза и мокрой земли. Значит, я всё ещё в городе. И не в самом фешенебельном его районе.

Я встал. Колени не подвели — всё ещё крепкие, упругие, несмотря на шестьдесят лет за плечами (и ещё шестьсот впереди, если Марана будет милостива). Ни боли, ни слабости. Даже удивительно после такого пробуждения. Пальцы левой руки привычно скользнули к лицу, коснулись рельефа старого шрама, что тянулся от левого виска, пересекал скулу и заканчивался у подбородка. Тонкий, почти незаметный в тени, но отчётливый на ощупь. Подарок от эльфийского клинка двадцатилетней давности. Эльф тогда почти достал меня — его изящное оружие скользнуло по лицу, оставив на память эту нить и вечную тупую боль к перемене погоды. Сейчас, в этой сырой духоте перед дождём, шрам привычно напомнил о себе ноющей пульсацией. Проклятая эльфийская сталь, даже спустя столько лет.

Я замер посреди пустого зала, прислушиваясь к тишине. Где-то наверху, под самой крышей, ворковали голуби. С улицы доносились приглушённые, далёкие звуки: скрип тележных колёс, чей-то окрик, лай собаки. В таверне — ни души. Трактирщик, который должен был бы стоять за стойкой, отсутствовал. Посетители, если и были, разбежались. Или прячутся.

Нужно выяснить, где я. И найти того, кто ответит за этот вертеп.

Глава 1: С нуля

Пальцы сжались в кулак сами. Кожа на костяшках натянулась, ногти впились в ладонь — старая привычка, выработанная ещё в имперских казармах. Боль отрезвляет. Не даёт мыслям растечься лужей дешёвого эля по столу.

— Ну, если меня сейчас не убьют, — прошептал я в пустоту зала, — день определённо станет лучше.

Тишина ответила мне потрескиванием балок под крышей и далёким воркованием голубей где-то под стрехой.

— Хотя куда уж хуже? Я был в Империи, потом в Гильдии, потом... — язык запнулся. — Где я, бездна меня раздери?

Шаг вперёд. Под сапогом хрустнула солома — сухая, ломкая, вперемешку с грязью и чем-то липким. Пол в «Старом бочонке» помнил сотни сапог и ни одной швабры. Запах кислой капусты усилился — где-то за стойкой, в глубине, явно стояла бочка с квашеным крошечком, и её содержимое уже начало жить собственной жизнью.

В голове снова прокрутилось: «Добро пожаловать в Систему». Голос без интонаций, без эмоций, словно кто-то зачитал опись конфискованного имущества.

Меня. Приветствуют. Как какого-то новобранца.

Меня, Малл'Тисса. Десяток войн. Ранг S в Гильдии Ассасинов. Имя, которое произносят шёпотом, а контракты на которое стоят больше, чем жизни мелких королей.

Я уже открыл рот, чтобы произнести это вслух, но осёкся. Губы сжались в тонкую линию.

Не стоит трепаться о прошлом на каждом углу. Особенно когда не помнишь, как оказался на этом углу.

Скрип.

За спиной. Доска половицы прогнулась под чьим-то весом — звук тихий, но отчётливый, как щелчок взводимого арбалета.

Я не обернулся. Оборачиваются идиоты и покойники.

Вместо этого я ушёл в сторону — шаг по дуге, плавный, текучий, вес тела перенесён на носки. Правая рука легла на рукоять восточного меча. Пальцы сомкнулись вокруг оплётки из акульей кожи — тёплой, чуть шершавой, идеально повторяющей хват. Левая рука сбросила край плаща, освобождая хвост и доступ к кинжалу на поясе. Хвост дёрнулся, распрямился, кончик с кисточкой описал в воздухе короткую дугу — готовый ударить или захлестнуть.

Из-за стойки, кряхтя, поднялся толстый трактирщик.

Лысый. Череп блестел в тусклом свете масляной лампы, отражая жёлтые блики. Нос — картошка, вся в прожилках и порах, результат десятилетий дегустации собственного пойла. Он взглянул на меня без удивления — только усталость, глубокая, как осадок на дне бочки.

— Очухался, рогатый? — буркнул он. Голос — скрежет несмазанной тележной оси. — А то я уж думал, ты того... клиента завалил, а сам сдох. Лежал как мешок, даже не дышал почти.

Клиента завалил. Значит, он видел кровь? Или просто предположил по моему виду? Я не чувствовал на одежде свежих пятен, но плащ тёмный, на нём много чего не видно.

— Где я?

Мой голос стал тихим. Спокойным. Тот самый тон — без угрозы, без нажима, просто ровный, как лезвие перед ударом. Генералы Империи Карракс начинали трясти поджилками именно от такого голоса. Потому что он означал: решение уже принято, осталось только исполнение.

— Греймур. Таверна «Старый Бочонок». — Трактирщик почесал пузо, обтянутое засаленным фартуком. Под ногтями у него была грязь, и он, кажется, этим гордился. — Ты вчера

вечером завалился, сказал, что тебе нужна комната, рухнул на лавку и уснул. Или... в обморок. Я деньги вперёд взял, так что не жалуйся.

Греймур.

Я знал Греймур. Торговый город на юге. Крупный, шумный, пропахший рыбой, специями и конским навозом. Перекрёсток трёх трактов, место, где можно купить всё — от поддельного амулета до настоящего яда. Но последний мой контракт был в скалах Хар-Зарака, за двести лиг отсюда. Там, где ветер воет между каменных зубьев, а мох цепляется за трещины, как руки утопающего.

— Кто меня принёс? — уточнил я, не убирая руки с меча.

Трактирщик нахмурился. Его маленькие глазки, заплывшие жиром, скользнули по моей стойке — по руке на рукояти, по отведённому плащу, по хвосту, который всё ещё был напряжён и готов к броску.

— Ты сам и пришёл, парень. Думал, пьяный в стельку. — Он помолчал, сглотнул. Кадык дёрнулся. — Ты это... клинок уברי. У нас тут тихо, без резни.

Я медленно убрал руку. Но пальцы остались в сантиметре от рукояти — старая привычка, ввевшаяся в мышцы глубже, чем память о вкусе материнского молока.

— Ты чего заказывать будешь? Или так и будешь стоять, как статуя?

Я хмыкнул. Звук вышел сухим, без веселья.

Тридцать лет пешка в Империи Карракс. Десять лет тень в Гильдии Ассасинов. А теперь какая-то Система «призвала» меня, как новичка. Как мальчишку, который только вчера взял в руки деревянный меч.

Я убрал руку с меча. Поправил плащ, пряча хвост — ткань легла привычными складками, скрывая оружие и демонические черты. Два шага к стойке. Доски под сапогами скрипнули — каждая на свой лад, создавая короткую, фальшивую мелодию.

В голове уже прокручивались варианты. Найти гильдию. Понять правила игры — у любой системы есть правила, даже если она называет себя «Системой» с большой буквы. Найти того, кто заказал жреца. И спросить его. Вежливо. А потом — не очень.

— Эля не надо, — сказал я, глядя трактирщику прямо в глаза.

Золотые. Без зрачков. Люди обычно отводят взгляд через секунду. Он продержался две. Потом устался в столешницу, будто там было написано спасение.

— Скажи лучше, где здесь нанимают людей, которые умеют держать язык за зубами и клинок в руке.

Трактирщик побледнел. Румянец на щеках — результат дегустации собственного эля — сменился цветом прокисшего молока. Он мотнул головой в сторону облезлой доски объявлений у входа. Я заметил её ещё когда осматривал зал — деревянный щит, заляпанный воском, с пожелтевшими пергаменами, пришпиленными ржавыми кнопками.

— «Стальной Кулак» — там, на площади. — Голос его стал тише, быстрее. — А если тебе нужно что-то... более деликатное... спроси в портовом районе. Но я тебя не видел, не слышал и не знаю.

Я кивнул. Один раз. Медленно.

Развернулся. Плащ взметнулся, открывая на мгновение сдвоенные ножны за спиной и рукоять меча на бедре. Направился к выходу. Спина прямая, шаг ровный — я не убегал, я просто уходил. Чувствовал спиной его взгляд — липкий, испуганный, приклеившийся между лопаток.

Дверь. Тяжёлая, дубовая, с железными полосами и коваными петлями, почерневшими от времени. Я толкнул её ногой — петли взвизгнули, как раненый поросёнок. Солнечный свет резанул по глазам, но я даже не прищурился. Демоническое зрение просто подстроилось — мир на мгновение стал золотисто-серым, а потом обрёл чёткость и цвет.

Через плечо, не оборачиваясь, бросил:

— Спасибо.

Вышел на улицу.

Греймур шумел.

Волна звуков ударила сразу и со всех сторон. Крики торговцев, расхваливающих ткани из Лунного льна и специи с южных островов. Стук копыт по булыжнику — ломовые лошади тащили телегу с бочками, кучер орал на зазевавшегося мальчишку. Где-то в переулке переругивались два гнома — их голоса, высокие и скрипучие, спорили о цене на какой-то механизм. Пахло горячим хлебом из пекарни, дымом из кузнечного горна, прелой соломой из конюшни и рыбой — свежей и не очень, которую разгружали где-то у порта.

Солнце висело над черепичными крышами — белое, размытое дымкой, но яркое. Я стоял на крыльце «Старого Бочонка» и смотрел на город.

Впереди, над морем крыш, высились шпили Гильдии Магов «Арканум Вердис». Зелёный камень, увитый плющом, башни, уходящие в небо, на верхушках — кристаллы, ловящие солнечный свет и рассыпающие его радужными бликами по окрестным улицам. На окраине, ближе к городской стене, темнели казармы Городской Стражи — приземистые, квадратные, с частоколом тренировочного плаца и флагом с гербом города.

А в центре, на главной площади, возвышалось здание с вывеской, которую я узнал даже с этого расстояния. Скрещённые мечи под стальным кулаком. Гильдия Искателей Приключений «Стальной Кулак».

Я поправил за спиной сдвоенные ножны. Проверил, легко ли выходит восточный меч из ножен на бедре — сталь скользнула на палец, бесшумно, как шёпот. Усмехнулся.

Усмешка вышла кривой — шрам на левой щеке натянулся, напоминая о себе.

— Итак, Система, — прошептал я в шум улицы. — Покажи, на что я гоюсь без твоих циферок.

Пауза. Вдох. Воздух пах дымом, хлебом и чьими-то несбывшимися надеждами.

— А если это чья-то шутка...

Пальцы коснулись рукояти кинжала на поясе. Сталь была холодной. Это успокаивало.

— Я найду шутника. Вскрою, как консервную банку. И посмотрю, смешно ли ему будет, когда его кишки будут намотаны на мои рога.

Я шагнул с крыльца в поток улицы, и город Греймур поглотил меня, как море глотает камень — без всплеска, без следа, просто сомкнувшись над головой.

Здание Гильдии «Стальной Кулак» выглядело именно так, как и положено выглядеть месту, где собираются люди, готовые за горсть серебра лезть в пасть к чудовищам. Приземистое, но широкое, сложенное из серого гранита с прожилками слюды, блестящей на солнце, как чешуя дохлой рыбы. Над входом — кованый кулак размером с тележное колесо, сжимающий два скрещённых меча. Сталь местами проржавела, и ржавчина стекала по пальцам бурыми потёками — то ли дизайнерская задумка, то ли экономия на краске.

Я толкнул дверь. Тяжёлую. Дуб, обитый железными полосами с заклёпками. Петли смазаны недавно — дверь пошла плавно, без скрипа, и это почему-то внушало уважение. Внутри пахло кожей, оружейным маслом, дешёвым вином и потом — классический букет авантюристской богадельни.

Зал был просторным. Высокий потолок, балки, с которых свисали выцветшие знамёна с символикой гильдии. У стен — грубо сколоченные столы и лавки. За одним из столов дремал дварф, положив лысую голову на руки, рядом стояла пустая кружка. За другим трое людей в стёганных куртках играли в кости, тихо переругиваясь. У дальней стены — доска объявлений, та самая, к которой мне предстояло подойти позже.

Но сначала — стойка регистрации.

Она располагалась слева от входа — длинная конторка из тёмного дерева, отполированного локтями сотен авантюристов до зеркального блеска. За ней сидела девушка.

Линн — я узнал её имя позже, когда она представилась. Лет двадцать пять по человеческим меркам, светлые волосы собраны в тугий узел на затылке, пара выбившихся прядей прилипла к виску — в зале было душно. Одета в простую серую тунику с вышитым на груди кулаком гильдии. Глаза — усталые, серые, с прищуром человека, который за день выслушивает столько вранья о подвигах, что мог бы написать трёхтомник «Басни и легенды Греймура».

Когда я подошёл, она подняла взгляд. Пробежалась по мне — от рогов до сапог. На рогах задержалась на секунду дольше, чем на остальном. Ни страха, ни отвращения. Профессиональное любопытство.

— Новенький? — голос ровный, без эмоций. Палец уже лег на раскрытый грассбух, обмакнул перо в чернильницу. Чернила пахли сажей и уксусом.

— Допустим, — ответил я, останавливаясь ровно на расстоянии вытянутой руки от стойки. Достаточно близко, чтобы она слышала мой тихий голос, достаточно далеко, чтобы не чувствовать угрозы.

— Имя.

— Малл'Тисс.

Перо скрипнуло по бумаге.

— Раса?

— Тифлинг. — Я чуть повёл плечом, давая плащу соскользнуть и открыть хвост. Тот дёрнулся, привлекая внимание, и снова спрятался под тканью.

Она кивнула, записала.

— Предыдущий опыт? Гильдии, звания, рекомендации?

Я помолчал. Тридцать лет в Империи. Десять лет в Гильдии Ассасинов. Ранг S. Имя, которое произносят шёпотом.

— Ничего, что стоило бы упоминания, — сказал я, глядя ей в глаза своими золотыми, без зрачков. — Начинаю с нуля.

Линн поджала губы. Она явно не поверила — у неё было чутьё, я это видел по тому, как она задержала взгляд на моих пальцах, на шраме через щёку, на том, как я стою — вес на носках, руки свободны. Но переспрашивать не стала. В «Стальном Кулаке» не принято лезть в прошлое. Здесь ценят то, что ты можешь сделать сегодня.

— С нуля так с нуля. — Она захлопнула грассбух и выдвинула ящик стола. Достала небольшой деревянный жетон с выжженной буквой «F». — Испытание на ранг F. Стандартное. Спустишься в подвал гильдии. Там завелись земляные пауки. Три штуки. Убьёшь — получишь ранг.

Я взял жетон. Дерево было шершавым, плохо обработанным, с заусенцами.

— Плата за задание?

— Никакой. — Линн усмехнулась. — Это испытание, не контракт. Но тушки можешь продать. Алхимикам или кожевникам. Через гильдейскую лавку дают по десять меди за штуку.

Тридцать медяков. Щедро. Хватит разве что на кружку того пойла, что подают в «Старом Бочонке».

— Где вход в подвал?

Линн кивнула на неприметную дверь в углу зала, за столами.

— Лестница вниз. Факелы там есть. Пауки слепые, но вибрацию чувствуют. Ступай тихо.

Я развернулся и пошёл к двери. За спиной услышал, как она пробормотала что-то вроде «ещё один...», но не стал вслушиваться.

Подвал встретил меня запахом сырой земли и плесени. Каменные стены, грубо отёсанные, с потёками влаги. Пол — утоптанная земля, местами покрытая соломой, уже подгнившей и источавшей сладковатый запах разложения. Факелы на стенах горели чадящим жёлтым пламенем, отбрасывая пляшущие тени. Где-то в глубине капала вода — мерный, ритмичный звук, от которого хотелось стиснуть зубы.

Я сбросил плащ. В подвале было тепло, даже душно, и лишняя ткань только мешала. Остался в кожаной куртке с металлическими вставками на предплечьях. Восточный меч оставил в ножнах — для пауков хватит и коротких клинков. Вытащил оба из сдвоенных ножен за спиной. Сталь тускло блеснула в свете факела. Привычная тяжесть в ладонях успокаивала.

Пошёл вперёд. Шаг мягкий, с носка на пятку, вес переносу плавно. Под сапогами хрустела солома, но я ступал по краям, где земля была голой и плотной.

Первого паука я заметил по тени.

Он сидел на стене, распластавшись по камню, сливаясь с ним цветом — серо-бурый, с бледным брюхом. Размером с крупную собаку. Восемь лап, покрытых короткими жёсткими волосками, заканчивались коготками, которыми он цеплялся за неровности кладки. Головогрудь — массивная, с четырьмя парами глаз, мутных, белых, слепых. Но хелицеры — серповидные челюсти — подрагивали, ловя вибрации воздуха.

Я замер. Дыхание замедлил. Сердце билось ровно, спокойно — старая привычка, въевшаяся в тело.

Паук повёл головогрудью в мою сторону. Почувствовал? Нет. Показалось.

Я двинулся вдоль стены, обходя его по дуге. Подошёл сбоку, на расстояние удара. Короткий клинок в правой руке пошёл вверх, в левой — прикрывал корпус.

Удар.

Лезвие вошло в место сочленения головогруды и брюха — тонкая хитиновая перепонка, не прикрытая панцирем. Хруст. Из раны брызнула зеленоватая жижа, густая, воняющая кислым. Паук дёрнулся, лапы заскребли по камню, но я уже провернул клинок и выдернул его, отступая на шаг.

Тварь рухнула на пол, задёргалась в агонии, поджала лапы. Через пару секунд затихла.

Один.

Второго я нашёл в углу, у кучи старой соломы. Он копался в ней, выискивая что-то — может, крысу, может, просто двигался по инстинкту. Я подошёл сзади, бесшумно. Клинок вошёл в то же место — в сочленение. Паук даже не успел пискнуть.

Третий оказался хитрее. Он висел на потолке, прямо над проходом, и когда я проходил под ним, прыгнул. Я почувствовал движение воздуха — и ушёл перекатом вперёд, через плечо. Паук грохнулся на то место, где я только что стоял, лапы разъехались по земле. Не давая ему опомниться, я метнул левый клинок. Сталь вошла в головогрудь, пробив хитин с влажным треском. Паук задёргался, пытаясь достать меня лапами, но я уже подскочил и вторым клинком добил, вонзив в то же место.

Тишина.

Я вытер клинки о солому, подобрал тушки — они были лёгкими, килограмм по пять каждая, не больше. Внутренности вытекали зеленоватой слизью, пахло кислым и чем-то химическим, как из алхимической лаборатории. Связал их между собой паутиной, которую срезал с угла, и, взвалив на плечо, пошёл обратно.

Когда я появился в зале, Линн подняла взгляд от грассбуха. Посмотрела на три тушки, свисающие с моего плеча. Потом на меня — ни царапины, ни грязи, даже дыхание ровное.

— Быстро, — сказала она. В голосе мелькнуло что-то похожее на уважение. Или настороженность.

— Они не сопротивлялись, — ответил я, сгружая пауков на пол у стойки.

Линн наклонилась, осмотрела тушки. Задержала взгляд на аккуратных ранах в сочленениях. Потом выпрямилась и, ничего не сказав, полезла в ящик стола. Достала цепочку с бронзовым жетоном. На жетоне была выгравирована буква «Е».

— Держи, — она протянула мне цепочку. — Твои навыки слишком большие для F. Совет гильдии дал мне право повышать ранг на месте, если вижу, что авантюрист явно превосходит

испытание. Ты справился за... — она бросила взгляд на песочные часы на столе, — четыре минуты. Обычно у новичков уходит полчаса, и они возвращаются покусанные.

Я взял цепочку. Бронза была тёплой от её пальцев. Надел на шею, спрятал жетон под куртку. Холод металла быстро нагрелся от кожи.

— Спасибо.

— Не за что. — Она снова села, взяла перо. — Лавка гильдии в том конце зала, — кивок вправо. — Там можешь продать тушки и купить снаряжение. Доска заданий — у дальней стены.

Я кивнул, подобрал пауков и направился к лавке.

Лавка представляла собой небольшую комнатуху, отгороженную от основного зала решёткой. За ней сидел пожилой гном с седой бородой, заплетённой в три косички, и круглыми очками на носу. Он что-то мастерил из мелких шестерёнок, но, увидев меня, отложил работу.

— Чего принёс, рогатый? — буркнул он без злобы, просто констатируя факт.

Я выложил пауков на прилавок.

— Земляные пауки. Три штуки.

Гном осмотрел их, потыкал пальцем в хитин.

— Свежие. Раны аккуратные, желёзы не повреждены. Годятся. По десять меди за штуку. Итого тридцать.

Я кивнул. Гном отсчитал мне три тусклые медные монеты — маленькие, с истёртыми краями и неразборчивым профилем какого-то давно почившего императора. Я ссыпал их в кошель на поясе, где уже лежали те деньги, что трактирщик взял с меня вчера — сколько именно, я пока не проверял.

— Ножи метательные есть? — спросил я.

Гном хмыкнул, полез под прилавок и выложил кожаный чехол. В нём — пять ножей, простых, без изысков, с утяжелёнными рукоятями для правильного баланса. Сталь серая, без блеска — хорошо, не будет отсвечивать.

— Двадцать пять меди, — сказал он.

Я отсчитал монеты. В кошельке осталось пять. Плюс то, что было раньше. На первое время хватит.

Забрав чехол, я закрепил его на нагрудных петлях куртки, проверил, легко ли выходят ножи. Сидели плотно, но вынимались плавно. То, что надо.

Кивнув гному, я направился к доске заданий.

Она была забита не так плотно, как я ожидал. Несколько пергаментов, пришпиленных ржавыми кнопками. «Убить волков на северном тракте. 1 серебряный». «Собрать травы в Мглистом лесу. 50 меди». «Охрана склада в порту. 3 серебряных за ночь».

И одно, привлёкшее моё внимание.

«Сопровождение каравана до деревни Брайтвуд. Два дня пути. Оплата: 2 серебряных. Отправление завтра на рассвете от восточных ворот. Заказчик: купец Хальвар».

Я сорвал пергамент с доски. Простое задание. Два дня в пути, минимум риска, возможность осмотреться, понять, как работает этот мир и его Система. И пара серебряных в карман.

Краем глаза я заметил, что такое же объявление сорвали двое за соседним столом. Они сидели, склонившись над пергаментом, и что-то обсуждали вполголоса.

Я подошёл.

Стол был грубо сколочен, с пятнами от пролитого эля и зарубками — кто-то коротал время, вырезая ножом своё имя. За столом сидели двое.

Первый — мужчина. Человек. Лет тридцать, может, чуть больше. Здоровенный, как медведь, с широкими плечами и ручищами, способными переломать хребет быку. Ростом под метр девяносто, если не выше. Лицо грубое, будто вырубленное топором из дубовой колоды, с квадратной челюстью и глубоко посаженными серыми глазами. Волосы тёмные, коротко стриженные, борода — густая, но ухоженная. Одет в стёганую куртку с металлическими наплечниками.

Рядом со столом, прислонённый к лавке, стоял огромный боевой топор с двойным лезвием — таким можно и дрова рубить, и головы.

Второй — женщина. Тоже человек. Моложе первого, лет двадцать пять. Рыжие волосы, заплетённые в тугую косу, переброшенную через плечо. Лицо узкое, с острыми скулами и веснушками на носу. Глаза зелёные, живые, цепкие — взгляд человека, который привык замечать детали. Одежда — кожаная броня, лёгкая, не стесняющая движений. На поясе — два изогнутых клинка, похожих на скимитары, но тоньше и короче. Судя по тому, как они висели, она носила их для одновременного боя двумя руками. Класс «арлекин» — танцор с клинками, бьющий с двух рук, полагающийся на скорость и фланговые атаки.

Они подняли взгляды на меня. Мужчина — спокойный, оценивающий. Женщина — с любопытством, чуть склонив голову, отчего коса скользнула по плечу.

— На караван? — спросил я, кладя свой пергамент на стол.

Мужчина кивнул.

— Горн, — сказал он. Голос низкий, с хрипотцой, как гул далёкого камнепада. — Воин.

— Анна, — добавила женщина. Голос выше, звонче, с лёгкой насмешкой. — Двуклинковая мечница. А ты, я так понимаю, наш третий?

— Малл'Тисс, — я чуть склонил голову, показывая рога. — Тифлинг. Специализация... скажем так, всё, что тихо и остро.

Анна хмыкнула, окинув взглядом мои ножны и чехол с метательными ножами.

— Тихо и остро. Звучит многообещающе. — Она откинулась на лавке, скрестила руки на груди. — Ну, раз нас трое, значит, и караван будет под надёжной охраной. Купец Хальвар — скряга, но платит вовремя. Я с ним уже ходила.

— Два дня пути, — пробасил Горн. — Дорога спокойная, но в прошлый раз видели волчьи следы у реки. Может, стая.

— Волки — не проблема, — сказал я. — Проблема — если за ними кто-то стоит.

Горн кивнул, соглашаясь.

— Выходим завтра на рассвете. Восточные ворота. Караван из трёх повозок, груз — ткани и специи. Хальвар не любит опозданий.

— Я буду вовремя, — ответил я.

Анна вдруг подалась вперёд, поставив локти на стол.

— А ты, рогатый, откуда такой взялся? В Греймуре тифлингов — по пальцам пересчитать. Я бы тебя запомнила.

Я встретил её взгляд. Зелёные глаза смотрели прямо, без страха, с профессиональным интересом — так боец оценивает потенциального союзника или противника.

— Издалека, — сказал я. — Очень издалека.

— Загадочный, — протянула она с усмешкой. — Люблю загадочных. Они либо герои, либо покойники.

— Или и то, и другое, — добавил я, не улыбнувшись.

Горн хохотнул — звук напоминал камнепад в миниатюре.

— Ладно, Малл'Тисс. До завтра. И не опаздывай — купец ждать не будет.

Я кивнул, забрал свой пергамент и отошёл от стола. Впереди был день. Нужно было найти ночлег, проверить снаряжение, поесть. И подумать — что, чёрт возьми, со мной произошло и почему я оказался здесь, в этом городе, с этой Системой в голове, которая пока молчала, но явно не собиралась оставлять меня в покое.

Я вышел из гильдии на улицу. Солнце сместилось, тени стали длиннее. Город продолжал шуметь, торговать, жить. Где-то впереди меня ждал караван, два дня пути, волчьи следы у реки и два новых напарника — гора мышц с топором и рыжая арлекинша с насмешливыми глазами.

Я поправил ножны за спиной и усмехнулся.

Сопровождение каравана. Два серебряных. С чего-то надо начинать даже тем, кто когда-то был рангом S.

Любопытство — порок. Я знал это ещё с тех времён, когда в Империи мне платили не за вопросы, а за то, чтобы я не задавал их. Но Система молчала, город шумел, а в голове вертелась мысль: «Греймур. Торговый город на юге. Что я здесь забыл?»

Я решил прогуляться.

Торговый квартал к вечеру умирал быстро. Лавки закрывались одна за другой, ставни с лязгом опускались на окна, торговцы сворачивали палатки, перекрикиваясь друг с другом хриплыми голосами. Пахло пылью, увядшими овощами и конским навозом — остатки дневной суеты. Пара стражников лениво прохаживалась вдоль опустевших прилавков, позёвывая в кулак. Смотреть было особо не на что, и я, не задерживаясь, двинулся дальше.

Ремесленный квартал встретил меня стуком молотов, доносившимся из открытых дверей кузниц, и запахом калёного металла, смешанным с угольной гарью. Дварф в кожаном фартуке, чёрном от копоти, окатил раскалённую заготовку водой — облако пара с шипением взметнулось к небу, осело на лице влажной плёнкой. Я прошёл мимо, не сбавляя шага. Кузнецы и кожевники работали допоздна, но их искусство меня сейчас не интересовало.

Следующим был квартал Красных Фонарей.

Вот он как раз расцветал.

Солнце уже село, и улицы здесь освещались не факелами, а тёплым, манящим светом масляных ламп за цветными стёклами — красными, жёлтыми, зелёными. Воздух стал гуще, слаще. Пахло духами — дешёвыми, приторными, с нотками лаванды и мускуса, — вином, потом и чем-то ещё, что я предпочёл бы не опознавать. С разных сторон доносился звонкий смех, обрывки музыки — где-то брэнчала лютня, — и сладострастные стоны, приглушённые стенами, но всё равно отчётливые.

Девушки стояли вдоль улицы, опираясь на косяки дверей, выставив напоказ то, что природа и щедрые клиенты дали им. Одна — в алом корсете, подпиравшем грудь так, что та грозила выпрыгнуть наружу, — послала мне воздушный поцелуй. Другая, с распущенными чёрными волосами и подведёнными сурьмой глазами, провела языком по губам, глядя прямо на меня. Третья просто помахала рукой, звякнув браслетами.

Я шёл, разглядывая всю эту красоту.

В переулке между двумя домами мелькнула сцена, от которой я чуть не хмыкнул вслух. Девушка, оперевшись ладонями в стену, прогнулась в пояснице. Сзади к ней пристроился пьяный паренёк в спущенных штанах и ритмично дёргался, вцепившись в её бёдра. Лицо у него было сосредоточенное, как у алхимика, высчитывающего пропорции для взрывчатого зелья. Девушка же смотрела куда-то в стену с выражением глубочайшей скуки — видимо, прикидывала, успеет ли обслужить ещё пару клиентов до рассвета.

Платные услуги на открытом воздухе. Экономия на аренде помещения. Похвальная предпринимчивость. Интересно, входит ли в стоимость уборка... следов деятельности? Или это забота утреннего дворника?

Я отвёл взгляд и пошёл дальше.

Две милые особы — одна брюнетка с родинкой над губой, другая блондинка с копной кудряшек, — заметив меня, синхронно шагнули навстречу, преграждая путь. От них пахло жасмином и потом, а улыбки были отрепетированы до автоматизма.

— Господин с рогами, — проворковала брюнетка, коснувшись пальчиком моего предплечья. — Не желаете ли провести вечер в приятной компании? У нас есть вино, мягкие перины и... многое другое.

— Очень многое, — добавила блондинка, подмигнув и чуть поведя плечом, отчего её грудь колыхнулась.

Я посмотрел на них. Золотые глаза без зрачков, как обычно, смутили — брюнетка чуть отшатнулась, но улыбку удержала.

— Денег нет, — сказал я ровно.

Улыбки исчезли. Мгновенно. Словно захлопнулись ставни.

Брюнетка фыркнула, презрительно сморщив носик. Блондинка развернулась на каблуках и, покачивая бёдрами, направилась обратно к своей двери, бросив через плечо:

— Тогда чего шляешься? Здесь не богадельня.

Я проводил их взглядом. Хвост под плащом дёрнулся — раздражённо.

Такс. Надо валить из этого великолепия.

Я накинул капюшон, пряча рога, и быстрым шагом пошёл сквозь квартал, не оглядываясь. Красные фонари сменились тусклыми масляными плашками, запах духов — вонюю тухлой рыбы и соли.

Портовый район.

Здесь было тише. Узкие улочки, зажатые между складами и ветхими лачугами, тонули в тених. Булыжник под ногами стал скользким от сырости и рыбьей чешуи. Где-то впереди плескалась вода о сваи причала, кричали чайки, укладываясь на ночлег.

Я вдохнул.

Рыба. Соль. Йод.

И что-то ещё.

Я принюхался. Ноздри дрогнули. Запах был слабым, почти незаметным под рыбной вонью, но мой нос, натренированный десятилетиями, уловил его безошибочно.

Кровь. Свежая. Человеческая. Или... почти человеческая.

Я сбавил шаг. Рука сама легла на рукоять восточного меча. Взгляд прошёлся по улице — пусто. Только тени, качающиеся от ветра, и далёкий свет одинокого фонаря у поворота.

Крик.

Высокий, женский, полный ужаса — и тут же оборванный, будто кто-то зажал рот ладонью.

Из переулка слева.

Я двинулся туда. Шаг мягкий, с носка на пятку, вес на носках, тело готово к рывку. За углом — темнота, густая, как дёготь. Демоническое зрение перестроилось, мир окрасился в оттенки серого и золотого. Я заглянул.

Тупиковый переулок. Стены — грубый камень, покрытый плесенью и подтёками нечистот. На земле — лужи, мусор, битое стекло. В дальнем конце — две фигуры.

Девушка лежала на спине, раскинув руки. Юбка задрана до пояса, ноги разведены неестественно широко. Лицо обращено к небу, но глаза — пустые, остекленевшие. Рот приоткрыт, застывшая гримаса боли и ужаса. На горле — рваная рана, кровь уже не текла, а сочилась, впитываясь в грязную землю.

Над ней, присев на корточки, возвышалась мужская фигура. Спущенные штаны, голые волосатые ягодицы, бледные в лунном свете, пробивавшемся сквозь щель между крышами. В правой руке — кинжал длиной в локоть, лезвие в крови. Мужчина что-то бормотал, склонившись над телом, и его свободная рука шарил по одежде жертвы.

Вторая девушка стояла, вжавшись спиной в стену. Совсем юная, почти ребёнок. Острые уши — эльфийка. Одежда порвана, грудь обнажена, между ног — клочок ткани, свисающий с бедра. Глаза широко раскрыты, полные слёз и животного ужаса. Она не кричала — просто не могла. Губы дрожали, руки вцепились в камень стены так, что побелели костяшки.

Следующая жертва.

Я переместился.

Тени в переулке были густыми, и я использовал их. Шаг в сторону, скольжение вдоль стены, вес на носках, дыхание затаено. Десять шагов. Я вышел на свет фонаря, падавшего из-за угла.

— Какой приятный и тёплый вечер, вы не находите?

Мой голос прозвучал тихо, ровно, почти дружелюбно.

Мужчина вздрогнул. Обернулся. Лицо — грубое, с маленькими глазками, глубоко посаженными под низким лбом. Недельная щетина, покрытая каплями пота. Губы растянулись в недоумённой гримасе, обнажив жёлтые зубы. Он медленно поднялся, и его «хозяйство» — стоячее, измазанное кровью, — качнулось из стороны в сторону, как маятник. Кинжал он держал крепко, лезвие поблёскивало в лунном свете.

— Ты кто? — голос хриплый, с присвистом.

— Я тот, кто хочет забрать вот эту прекрасную особу, что трясётся в страхе у стены, — я кивнул в сторону эльфийки.

Мужчина хохотнул. Коротко, лающе.

— Родственник? Или тоже хочешь трахнуть молоденькую эльфийку? Тогда это после меня. Но мне нравятся, когда они кричат, так что я в процессе их ножичком щекочу. А онидохнут.

Слюна брызнула с его губ, попала на подбородок. Он не заметил. Глаза горели — не похотью, а чем-то более тёмным. Безумием. Наслаждением от чужой боли.

Я молча смотрел на него. Потом перевёл взгляд на эльфийку. Жестом показал на неё. Совсем ещё девочка.

Мужик дёрнулся.

Резко, без предупреждения, — так бросается пьяный в кабацкой драке. Замах кинжалом, широкий, неуклюжий. Рот открылся для крика, но крик не успел родиться.

Я оказался быстрее.

Рывок вперёд, под руку с кинжалом. Мой кулак вошёл в солнечное сплетение — короткий, жёсткий удар, вложенный от бедра. Воздух вышел из его лёгких с влажным хрипом. Он согнулся пополам, и в этот момент ребро моей ладони обрушилось на основание его шеи — точный, выверенный удар, отключающий сознание без лишних повреждений.

Тело рухнуло на землю мешком с костями. Кинжал выпал, звякнул о булыжник.

Эльфийка осела по стене вниз. Ноги её не держали. Она смотрела на меня, но взгляд был пустым, стеклянным — шок. Одежда на ней — точнее, то, что от неё осталось, — открывала девичью грудь с бледной кожей и синими прожилками вен. Между ног болтался рваный клочок белья. Она дрожала, но не от холода.

Я скинул плащ. Ткань взметнулась, и я набросил его на плечи эльфийки, запахнув спереди. Она вздрогнула от прикосновения, но не отшатнулась.

— Ты как? Не пострадала? Он ничего не успел с тобой сделать?

Голос старался сделать мягче. Получилось не очень — привычка отдавать приказы вьелась глубже, чем хотелось бы.

— Н... нет, но моя сестра...

Голос дрожал, срывался. По щекам покатились слёзы, оставляя влажные дорожки на чумазом лице. Она посмотрела на тело, лежащее на земле, и всхлипнула.

— Как зовут? Идти можешь?

— Литиэль. — Она кивнула, но движение вышло слабым, неуверенным.

Я достал из-за пояса верёвку — всегда ношу с собой, привычка, полезная и для связывания грузов, и для связывания тех, кто задаёт слишком много вопросов. Присел рядом с бессознательным телом, перевернул его на живот. Руки за спину, петля на запястья, узел — простой, но надёжный. Мужик даже не шевельнулся. Дышит — слышно по хриплому свисту. Жить будет. К сожалению.

— Тогда пойдём. До гильдии «Стальной Кулак» минут десять пешком.

Литиэль снова кивнула. Я подошёл к телу её сестры. Молодая эльфийка, может, лет двадцать по человеческим меркам. Светлые волосы, разметавшиеся по грязной земле, слиплись от крови. Лицо застыло в предсмертной гримасе — боль, ужас, непонимание. Я нашёл рядом кусок ткани — может, обрывок её же платья, может, что-то, брошенное здесь раньше. Аккуратно, стараясь не смотреть в пустые глаза, завернул тело. Поднял. Тяжесть легла на плечо — лёгкая, как пустота, оставшаяся после ухода жизни.

Второй рукой я взял верёвку и потащил преступника волоком. Его тело заскользило по брусчатке, голова подпрыгивала на стыках камней. Литиэль шла рядом, закутанная в мой плащ, молча. Слёзы всё текли, но она не издавала ни звука.

До гильдии дошли быстро. Ночной Греймур был тих, только ветер гулял по пустым улицам да где-то лаяла собака. Дверь «Стального Кулака» была ещё открыта — в главном зале горели лампы.

Я толкнул дверь ногой. За стойкой сидела Линн, что-то писавшая в грессбухе. Увидев меня — с телом на плече, с эльфийкой в моём плаще и волокущимся за мной бессознательным телом, — она вскочила. Глаза расширились, но голос остался ровным.

— Что произошло?

— Насильник. Убил одну, — я кивнул на свёрток. — Вторую не успел. Вызови стражу.

Линн кивнула и, бросив быстрый взгляд на Литиэль, исчезла за дверью. Через пару минут в зал вошли четверо стражников — в кожаных доспехах с гербом города, при мечях. Старший — седой ветеран с лицом, изрезанным шрамами, — выслушал Литиэль. Она говорила тихо, запинаясь, но показания были ясными. Тело сестры. Нож. Спущенные штаны. Стражники осмотрели место преступления — Линн отправила с ними одного из гильдейских помощников, — и вскоре вернулись, подтвердив улики.

Преступника забрали. Он всё ещё был без сознания, и стражники, не церемонясь, взвалили его на телегу, стоявшую у входа. Старший кивнул мне:

— Свидетельства есть. Будет суд. Благодарим за содействие.

Я промолчал.

Литиэль тем временем, вымотанная до предела, начала клевать носом. Линн мягко взяла её за плечи и повела на второй этаж — в комнату персонала, где была койка. Пообещала, что Гильдия поможет с похоронами сестры. Я проводил их взглядом.

Через пару минут Линн спустилась. В руках — мой плащ, аккуратно сложенный. Протянула мне. Я взял — ткань ещё хранила тепло эльфийки и лёгкий запах страха.

— Ты сделал хорошее дело, — сказала Линн тихо. — Гильдия это запомнит.

Я накинул плащ. Пряжка звякнула.

В этот момент со второго этажа, с лестницы, спустились Горн и Анна. Горн — с топором за спиной, в полной боевой выкладке. Анна — в кожаной броне, оба клинка на поясе. Увидев меня, Горн хмыкнул.

— А мы уж думали, проспичь. Караван уходит с рассветом. Купец Хальвар ждать не любит.

— Я готов, — ответил я, поправляя перевязь с метательными ножами.

Анна окинула меня взглядом — оценивающим, цепким. Задержалась на лице, на шраме, на глазах.

— Выглядишь так, будто уже успел повоевать, — заметила она.

— Разминка, — сказал я.

Она усмехнулась, и мы троём вышли из гильдии в серую предрассветную мглу. Где-то впереди, у восточных ворот, нас ждал караван, купец Хальвар, два дня пути и две серебряные монеты.

Глава 2: Отряд

Рассвет над Греймуром был серым и влажным. Небо, затянутое низкими облаками, сочилось бледным светом, точно кто-то медленно отжимал грязную тряпку над городом. Воздух пах мокрым камнем, прелой соломой и дымом из печных труб — город просыпался, кашляя и потягиваясь.

Мы вышли через восточные ворота. Тяжёлые створки, обитые железом, со скрежетом разошлись в стороны, пропуская нас на тракт. И первое, что бросилось мне в глаза, — виселица.

Она стояла справа от дороги, на невысоком холме, чтобы каждый въезжающий и выезжающий мог оценить городское правосудие. Грубая конструкция из дубовых балок, потемневших от дождей и пропитавшихся запахом смерти. Перекладина, верёвка, тело.

Тело насильника.

Я узнал его сразу, хотя за прошедшие часы оно изменилось. Лицо, вчера искажённое безумной похотью, теперь было спокойным — насколько может быть спокойным лицо повешенного. Кожа приобрела синюшный оттенок, язык вывалился изо рта, глаза выпучены, но пусты. Верёвка глубоко врезалась в шею, оставив багровый след.

А на другой верёвочке, потоньше, свисавшей с той же перекладыни, болталось его «хозяйство» — отрезанное, аккуратно, почти хирургически, и подвешенное на манер ожерелья. В назидание.

Я улыбнулся. Клыки обнажились, холодный утренний воздух коснулся дёсен.

— Ну вот, — произнёс я, ни к кому конкретно не обращаясь, — теперь он в прямом смысле слова лишился всего, что делало его мужчиной. И головы, и... головки. Ирония судьбы: всю жизнь думал нижней, а повесили за верхнюю.

Горн, шагавший справа, ухмыльнулся. Его грубое лицо, похожее на обветренный валун, треснуло в подобии улыбки.

Анна, шедшая слева, прыснула лёгким смешком. Звук вышел коротким, но искренним — так смеются над удачной шуткой в компании, где не нужно притворяться.

— По делам и наказание, — добавила она, поправляя перевязь с клинками.

Я ещё раз взглянул на труп. Ветер качнул тело, и верёвка жалобно скрипнула. Где-то в городе, возможно, сейчас просыпалась Литиэль — живая, но навсегда изменившаяся. Её сестра лежала в холодной земле. А этот ублюдок болтался здесь, как предупреждение для всех, кто думает, что можно безнаказанно отнимать чужую жизнь.

Справедливость? Нет. Просто математика воздаяния.

Я отвёл взгляд и зашагал к каравану.

Караван ждал у восточных ворот. Три повозки, крытые парусиной, запряжённые крепкими ломовыми лошадьми. Груз — тюки с тканями и бочонки со специями, судя по запаху, доносившемуся из-под парусины. Запах был сложным: корица, гвоздика, мускатный орех, перец — целая симфония, перебивавшая даже конский навоз.

Купец Хальвар оказался мужчиной лет пятидесяти, с седеющей бородой клинышком и бегающими глазками человека, который привык считать каждую монету и подозревать всех в желании её украсть. Одет в добротный, но неброский камзол тёмно-зелёного сукна, на поясе — кожаный кошель, набитый, судя по оттопыренности, серебром. Он окинул нас быстрым оценивающим взглядом, задержался на моих рогах, но ничего не сказал — видимо, наниматели в Греймуре привыкли к разнообразию рас.

Охрана каравана, помимо нас троих, состояла из кучера — молодого парня с прыщавым лицом и вечно шмыгающим носом, — и арбалетчика. Его звали Рорик, как я узнал позже, когда Хальвар отдавал распоряжения.

Рорик мне сразу не понравился.

Он сидел на козлах второй повозки, с арбалетом на коленях, и нервно озирался. Пальцы его то и дело оглаживали ложе оружия, а взгляд метался от дерева к дереву, от куста к кусту, будто он ждал чего-то. Или кого-то. Пот градом катился по его вискам, несмотря на утреннюю прохладу. Запах от него шёл кислый — запах страха.

Я почуял неладное. Чутьё, отточенное десятилетиями в Империи и Гильдии, звенело в голове, как натянутая тетива.

Я подошёл к Горну и Анне. Они стояли у третьей повозки, проверяя снаряжение. Горн поправлял ремень топора, Анна протираала клинки промасленной тряпицей.

— Горн, Анна, — сказал я тихо, так, чтобы слышали только они. — Будьте начеку. Особенно когда войдём в лес.

Горн поднял бровь, но промолчал. Анна бросила быстрый взгляд на Рорика, потом на меня, и кивнула. Она тоже что-то почувствовала.

Мы заняли места в караване. Я — в авангарде, шагах в десяти перед первой повозкой. Горн — в арьергарде, за третьей. Анна — посередине, рядом со второй повозкой, где сидел Рорик. Распределение стандартное, позволяющее контролировать весь состав.

Караван тронулся. Колёса зашкрипели, лошади всхрапнули, и мы двинулись по тракту.

Путь до леса занял две трети дня.

Дорога была скучной. Укатанный грунт, пыль, поднимаемая копытами, поля по обе стороны — рожь и ячмень, уже пожелтевшие, готовые к жатве. Солнце, пробившееся сквозь облака к полудню, пекло немилосердно. Пот стекал по спине под кожаной курткой, впитывался в ткань рубахи. Я то и дело поправлял плащ, чтобы не перегреться, но не снимал — привычка скрывать хвост и оружие въелась в подкорку.

Рорик нервничал всё сильнее. Я поглядывал на него краем глаза. Его пальцы барабанили по арбалету, губы шевелились, будто он повторял про себя какие-то слова. Пару раз он оглядывался на лес, который маячил впереди тёмной полосой, и его адамово яблоко дёргалось.

К полудню купец Хальвар, утомлённый тряской, объявил привал. Мы остановились у небольшого ручья, пересекавшего тракт. Лошади жадно припали к воде, кучер распрягал их, что-то бормоча под нос. Хальвар достал из повозки мешочек с сушёным мясом и хлебом.

— Перекусим и двинемся дальше, — сказал он, жуя. — К вечеру должны дойти до Брайтвуда, если не задержимся.

Рорик вдруг вскочил с козел.

— Нет! — выкрикнул он, и голос его сорвался на фальцет. — Нельзя останавливаться! Надо идти! Сейчас же!

Хальвар нахмурился.

— Ты чего, парень? Лошади устали. Люди устали. Час отдыха — и пойдём.

— Нет! — Рорик почти кричал. Пот градом катился по его лицу. — Лес... нам надо успеть в лес до... до темноты! Там опасно ночью!

— В лесу и днём опасно, — проворчал Хальвар. — А ночью мы там и не будем, если не задержимся. Сядь, Рорик.

Но арбалетчик не успокаивался. Он подскочил к купцу, схватил его за рукав, зашептал что-то быстро, сбивчиво. Я не слышал слов, но видел, как меняется лицо Хальвара — от раздражения к сомнению, а затем к тревоге.

Через пять минут споров купец махнул рукой.

— Ладно! Бездна с тобой! Трогаемся! Но если лошади падут, я вычту из твоей платы!

Рорик облегчённо выдохнул и полез обратно на козлы. Я переглянулся с Горном. Тот едва заметно пожал плечами, но его рука легла на топорнице.

Мы вошли в лес. Он встретил нас прохладой и полумраком. Кроны старых дубов и ясенеи смыкались над головой, пропуская лишь редкие лучи солнца, которые падали на дорогу

золотистыми пятнами. Воздух здесь был другим — влажным, густым, пропитанным запахом прелых листьев, мха и грибов. Где-то в чаще перекликались птицы, трещали ветки под лапами невидимых зверей.

Я шёл впереди, сканируя пространство. Демоническое зрение делало лес серо-золотым, выделяя каждое движение, каждый подозрительный силуэт. Хвост под плащом нервно подрагивал — он чувствовал напряжение раньше, чем я осознавал его.

Рорик больше не нервничал. Он сидел на козлах, прямой как палка, и смотрел строго вперёд. Его пальцы больше не барабанили по арбалету. Они лежали на ложе, спокойные, готовые. Он ждал.

Мы шли по лесу около двух часов. Дорога петляла между деревьями, то сужаясь, то расширяясь. Корни, выпирающие из земли, заставляли повозки подпрыгивать, и Хальвар то и дело ругался сквозь зубы.

А потом мы уткнулись в дерево.

Оно лежало поперёк дороги — огромный дуб, поваленный, судя по свежему срезу, совсем недавно. Крона уходила в чащу, ствол перегораживал путь полностью. Объехать было невозможно — справа крутой склон, заросший колючим кустарником, слева болотистая низина, где сапоги увязали по щиколотку.

Хальвар выругался. Кучер остановил лошадей. Рорик медленно сполз с козел, держа арбалет наизготовку.

И тут я вспомнил.

Способность. Одна из тех, что дала мне демоническая кровь. Я не пользовался ей часто — в Гильдии Ассасинов предпочитали полагаться на собственные чувства, а не на магию. Но сейчас она могла пригодиться.

Я закрыл глаза — жест скорее рефлекторный, чем необходимый, — и активировал «Обнаружение жизни».

Мир изменился.

Сквозь закрытые веки я увидел не темноту, а россыпь огней. Ярких, пульсирующих, цвет которых зависел от типа существа. Люди светились тёплым золотом. Впереди, метрах в пятидесяти по обе стороны дороги, в высокой траве и за кустами, горели восемь таких огней. Четыре слева, четыре справа. Они были неподвижны, затаились.

Перед глазами всплыла строка — безличная, холодная, зелёная на чёрном фоне.

"Активировано заклинание: Обнаружение жизни. Радиус: 100 метров. Обнаружено целей: 8 (гуманоиды). Перезарядка: 3 секунды."

И следом:

"Навык «Уникальная расовая магия» повышен: 67 → 68."

Я открыл глаза. Система замолчала, но её присутствие ощущалось — как лёгкий зуд в основании черепа. Я начинал привыкать. Словно она всегда была там, просто ждала, когда я обращу на неё внимание.

Восемь человек. В засаде. Ждут команды.

И я точно знал чьей.

Горн и Анна взглянули на меня. Я поймал их взгляды и короткими, отточенными жестами показал: восемь, направление — слева и справа, и сжатый кулак — ждать.

Они поняли. Горн чуть сместил вес, готовясь к рывку. Анна опустила руки на рукояти клинков, пальцы сжались, побелели костяшки.

Рорик тем временем пошёл к дереву. Его походка стала уверенной, почти вальяжной. Он остановился у ствола, огляделся — демонстративно, наигранно, — и поднял руку. Не чтобы убрать дерево. Чтобы подать сигнал.

Я скользнул тенью.

Шаг вперёд, вес на носки, тело сливается с полумраком. Теневой шлейф — лёгкое искажение воздуха, заметное, только если смотреть прямо. Я оказался за спиной Рорика прежде, чем его рука завершила движение.

Удар.

Ребро ладони вошло в основание черепа — туда, где позвоночник встречается с затылком. Точный, выверенный, с дозированной силой. Не убить. Отключить.

Рорик обмяк. Его тело начало заваливаться вперёд, но я уже подхватил его — левой рукой за плечо, правой за пояс. Без шума, без стука. Прислонил спиной к поваленному стволу. Голова свесилась на грудь, руки безвольно упали вдоль тела. Арбалет я аккуратно отодвинул ногой в сторону.

Горн и Анна смотрели на меня. Я показал жестом: «ложитесь на землю, затаитесь». Они выполнили без вопросов. Горн растянулся за повозкой, Анна припала к земле у обочины, слившись с травой.

Я же шагнул в тень у дерева, набрал в грудь воздуха и активировал «Тауматургию».

Это заклинание я выучил ещё в Империи. Оно позволяло усиливать голос, делать его громче, внушительнее. Но в Гильдии Ассасинов я модифицировал его. Теперь оно не просто усиливало звук — оно меняло тембр, подстраивая под нужный. Под голос жертвы.

Я заговорил. Из моего рта вырвался голос Рорика — хриплый, с присвистом, нервный: — Братцы, можете выходить! Обоз наш! Охрана сдохла!

Голос прокатился по лесу, отразившись от деревьев, и затих.

Перед глазами снова всплыла строка:

"Активировано заклинание: Тауматургия (модифицированное). Эффект: имитация голоса."

И всё. Никакой прибавки к навыку. Значит, система не считает это достаточно сложным действием для роста. Или есть какой-то другой принцип. Я запомнил это на будущее.

Из леса, с обеих сторон дороги, начали подниматься фигуры.

Их было восемь. Оборванные, грязные, с разношёрстным оружием — ржавые мечи, дубины с гвоздями, пара коротких луков. Бандиты. Они выходили из укрытий, радостно гогоча, перекликаясь, предвкушая лёгкую добычу.

— А Рорик-то справился! — крикнул один, здоровенный детина с бычьей шеей и топором в руке. — Говорил же, работает!

— Ага, — подхватил другой, шуплый, с крысиным лицом и арбалетом за спиной. — Теперь тряхнём купчишку! И девку эту... рыжую... я её себе забираю!

Они приближались. Пятьдесят метров. Сорок. Тридцать.

До них начало доходить.

Тишина. Никто не встречает. Повозки стоят. Охраны не видно.

Здоровяк замедлил шаг, нахмурился.

— Эй, Рорик, ты где? Чего...

Двадцать метров. Расстояние броска ножа.

Я вышел из тени.

Два метательных ножа покинули мои пальцы одновременно. Один — левой рукой, второй — правой. Отточенное движение, тысячи повторений, мышцы помнят лучше, чем разум. Ножи описали короткие дуги и вошли точно в горло двум бандитам, шедшим первыми. Хруст хрящей, булькающий вскрик, кровь хлещет на траву. Оба рухнули, не успев понять, что умерли.

Одновременно с броском я рванул вперёд.

Теневой шлейф за спиной — воздух дрожит, искажая свет. Десять шагов, и я перед двумя оставшимися с моей стороны. Они только начали поворачиваться, открывая рты.

Удар.

Левый локоть в висок первому — кость хрустнула, глаза закатились, тело осело. Правый кулак, развёрнутый ребром, в челюсть второму — зубы брызнули осколками, голова мотнулась, и он рухнул лицом вниз.

Двое. Без сознания. Живы.

Я обернулся, чтобы оценить обстановку.

Горн уже действовал. Он взял тех двоих, что вышли из-за дерева с его стороны. Первого — удар кулаком в челюсть. Хруст кости, тело отлетело в кусты и затихло. Второй дёрнулся, попытался замахнуться дубиной, но Горн был быстрее. Топор взлетел, сверкнув в луче солнца, и обрушился сверху вниз. Лезвие вошло точно в макушку, раскроило череп, прошло через грудную клетку, разрубило таз. Две половины того, что мгновение назад было человеком, развалились в стороны, заливая траву кровью и внутренностями. Запах ударил в нос — медный, густой, с примесью содержимого кишечника.

Анна не отставала. Из положения лёжа она взвилась, как пружина. Ноги описали дугу, подсекая двух последних бандитов под колени. Те рухнули на землю, вскрикнув от неожиданности. Анна перекатилась через плечо — гибко, грациозно, как цирковая артистка, — и в момент, когда перекат завершился, её руки уже сжимали рукояти клинков. Два удара — не лезвиями, а тяжёлыми наконечниками рукоятей — обрушились на головы бандитов. Хруст. Тела обмякли.

Тишина.

Я осмотрелся. Арбалетчик у дерева — без сознания, связан. Трое бандитов мертвы — двое с моими ножами в горле, один разрубленный Горном. Пятеро без сознания, но живы. Суммарно шесть задержанных, включая Рорика.

Я подошёл к своим жертвам. Ножи всё ещё торчали из горл. Я выдернул их — сталь вышла с влажным чмоканьем, — вытер о траву, вернул в чехол. Горн уже связывал бессознательных, используя верёвки, найденные в повозке. Анна обыскивала убитых.

— Денег нет, — бросила она, брезгливо морща нос. — Только оружие. Ржавое, правда.

— Стража хорошо платит за живых, — сказал я, подходя. — По три серебра за голову. За мёртвых меньше, но тоже возьмут. Труды отобьются.

Мы погрузили пленных в одну из повозок, предварительно сдвинув тюки с тканями. Тела убитых сложили отдельно — Горн, не морщась, отрубил им головы и упаковал в мешок, который нашёлся у кучера. Кучер, к слову, всё это время сидел под повозкой, дрожа и прижимая к груди какую-то деревянную фигурку — амулет, что ли. Хальвар стоял рядом, бледный как полотно, и молчал. Его губы шевелились, но звуков не было — видимо, подсчитывал убытки.

Я подошёл к Горну и Анне. Они стояли у края дороги, глядя на лес. Горн вытирал топор пучком травы, Анна проверяла клинки на предмет зазубрин.

— Хорошая слаженная работа, — сказал я. Голос ровный, без лишних эмоций. — Я хочу создать свой отряд. Мнегодились бы такие бойцы, как вы, которым не нужно по десять раз объяснять, за какой конец держать меч в бою.

Горн перестал вытирать топор. Посмотрел на меня — долгим, оценивающим взглядом серых глаз.

Анна склонила голову набок, коса скользнула по плечу. В её зелёных глазах мелькнул интерес.

— Мы подумаем, — сказал Горн после паузы. — Поговорим об этом, когда вернёмся с задания.

Он сунул топор в петлю за спиной, скрестил руки на груди.

— Но если хочешь, чтобы был отряд, тебе придётся рассказать о себе начистоту. Кажется мне, ты чего-то недоговариваешь. — Его взгляд стал жёстче. — Твои техники боя больше похожи не на имперскую военную школу, а, скажем так, на некую другую организацию.

Анна кивнула, соглашаясь.

— Я видел, как ты двигаешься, — добавила она. — Так не учат в армии. Так учат убивать. Тихо, быстро, без следа. Ты либо бывший ассасин, либо кто-то очень похожий.

Я встретил их взгляды. Золотые глаза без зрачков смотрели прямо, не мигая.

— Ты прав, Горн. И ты, Анна, тоже. — Я помолчал. — Я не готов рассказать всё сейчас. Но когда вернёмся в Греймур, вы узнаете. Обещаю.

Горн кивнул. Анна чуть улыбнулась — не насмешливо, а скорее понимающе.

— Договорились, — сказал Горн. — А пока — доведём караван до Брайтвуда. Вечереет.

Мы двинулись дальше. Я шёл впереди, вглядываясь в сгущающиеся сумерки леса, и думал о том, что скажу им, когда придёт время. О Империи. О Гильдии. О ранге S. И о том, почему человек, прошедший через всё это, теперь охраняет караваны за два серебряных.

«Поверят ли они? Или решат, что я беглый преступник, и сдадут страже?»

Время покажет.

В Брайтвуд мы добрались, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо над лесом в густой багрянец, будто кто-то опрокинул над горизонтом чашу с разбавленным вином. Деревня оказалась именно такой, какой я её представлял: пара десятков домов, крытых соломой, церквушка с покосившимся шпилем, кузница, откуда доносился мерный стук молота, и трактир с вывеской «Усталый путник», из трубы которого валил жирный дым — видимо, жарили что-то мясное.

Купец Хальвар, едва повозки остановились на постоялом дворе, прыгнул с козел и, нервно оглядываясь, отсчитал нам плату. Монеты легли в ладонь — холодные, с истёртыми профилями каких-то давно почивших королей.

— По два серебряных за задание, как договаривались, — пробормотал он, и его бегающие глазки на мгновение задержались на моих рогах. — И по три каждому бонусом. За то, что... ну, вы понимаете. Без вас бы караван...

Он осёкся, махнул рукой и поспешил к повозкам — проверять груз, ругаться на кучера, считать убытки. Я ссыпал пять серебряных в кошель. Приятная тяжесть. Кошелёк довольно звякнул.

— Щедро, — заметила Анна, пересчитывая свои монеты. — Обычно Хальвар трясётся над каждой медяшкой, как дварф над золотой жилой.

— Испугался, — хмыкнул Горн, засовывая плату за пояс. — Страх развязывает кошельки лучше любого красноречия.

Мы направились к дому местной стражи — приземистому зданию с решётками на окнах и флагом Греймура над входом. Стражник, пожилой мужик с седыми усами и животом, нависавшим над ремнём, встретил нас без энтузиазма. Но когда мы выгрузили пятерых связанных бандитов и мешок с головами, его лицо оживилось.

Он долго переписывал имена — точнее, наши имена, потому что бандиты назваться отказались, — считал головы, сверялся с каким-то засаленным списком разыскиваемых. Наконец, крикнув, полез в сундук.

— За живых — по три серебра, — буркнул он, отсчитывая монеты. — За мёртвых — по одному. Итого... двадцать один серебряный. Получите.

Я взял деньги. Двадцать один серебряный — сумма, ради которой иной новичок в «Стальном Кулаке» горбатился бы месяц. Мы же заработали её за один день. Правда, ценой четырёх жизней и пяти искалеченных судеб. Но кто считает души бандитов? Разве что Морана, богиня смерти. А она, говорят, не слишком привередлива.

Следующей остановкой была кузница. Местный кузнец — краснолицый детина с опалёнными бровями и руками, покрытыми шрамами от окалины, — окинул взглядом наш трофейный арсенал: ржавые мечи, дубины, пару коротких луков, арбалет Рорика.

— Двадцать медяков за всё, — выдал он, даже не притронувшись к оружию.

Я улыбнулся. Клыки блеснули в свете горна.

— Тридцать.

— Двадцать пять.

— Тридцать, и я расскажу тебе, где достать хорошую руду по дешёвке. Слышал про заброшенный рудник у восточного тракта?

Кузнец прищурился. Пожевал губами.

— Тридцать. И рудник.

— Договорились.

Мы ударили по рукам. Монеты перекочевали в мой кошель. Я мысленно подсчитал: пять серебряных от купца, семь моя доля от бандитов, десять медяков за трофеи. Итого в кошеле теперь лежало двенадцать серебряных и пятнадцать медных монет. Приятная, увесистая тяжесть. Кошелёк довольно позвякивал при каждом шаге.

— И откуда ты знаешь про рудник? — шёпотом спросила Анна, когда мы отошли от кузницы.

— Понятия не имею, — ответил я, не сбавляя шага. — Но кузнецу об этом знать не обязательно.

Анна фыркнула. Горн хохотнул — глухо, раскатисто, как дальний гром.

Мы выдвинулись обратно в Греймур.

Ночной лес был красив.

Луна — полная, круглая, как отполированный серебряный щит, — висела над верхушками деревьев, заливая всё вокруг призрачным, голубоватым светом. Тени стали глубже, контрастнее. Стволы дубов казались колоннами древнего храма, уходящими в бесконечность. Где-то в чаще ухал филин, и его крик разносился между деревьями, затихая вдали. Пахло влажным мхом, ночной фиалкой и чем-то терпким — может, грибами, может, диким чесноком.

Мы устроили привал у того самого поваленного дерева, которое днём послужило ловушкой. Горн развёл костёр — умело, быстро, с первой искры. Огонь затрещал, пожирая сухие ветки, и по поляне разлилось тепло, отгоняя ночную прохладу. Тени заплясали на стволах, искажая привычные очертания.

Мы сидели вокруг костра. Горн — на поваленном стволе, положив топор на колени и задумчиво глядя в пламя. Анна — на свёрнутом плаще, поджав ноги и обхватив колени руками. Я — напротив, спиной к лесу, чтобы видеть и костёр, и тени за спинами товарищей.

Тишина была уютной. Такой, в которой не нужно заполнять паузы пустыми словами. Но я знал: эта тишина — затишье перед разговором.

Я решился.

— Горн. Анна. — Мой голос прозвучал тихо, но отчётливо, перекрывая треск костра. — Вы были правы. Я кое-что недоговариваю.

Они подняли взгляды. Горн — спокойный, выжидающий. Анна — с любопытством, чуть склонив голову набок.

Я вдохнул. Воздух пах дымом и хвоей.

— Мне было двадцать, когда я прибыл в Империю Карракс. Молодой тифлинг с парой клинков и большими амбициями. Империя вела войну — кажется, она всегда вела войну, — и наёмникам платили хорошо. Я записался в легион. Не как гражданин — как вольнонаёмный. Тридцать лет, Горн. Тридцать лет я был пешкой в их играх. Десяток войн. Я видел, как горят города, как умирают товарищи, как генералы продают победы за золото, а солдат — за ещё меньшее.

Я сделал паузу. Пламя костра отражалось в моих золотых глазах, делая их похожими на расплавленный металл.

— Я убивал. Много. Тех, кто смотрел на меня через поле боя. Тех, кто не смотрел. Тех, кто просто оказался не в том месте. В тридцать лет я был ветераном, в сорок — командиром отряда, в пятьдесят — тем, кого посылают туда, где не справляются обычные солдаты. А

потом... я понял, что имперские генералы перестали меня замечать. Я стал мебелью. Полезной, крепкой, но — мебелью. На которую можно положить ноги, но с которой не садятся за один стол.

Я усмехнулся. Криво, без веселья. Шрам на щеке натянулся.

— Я ушёл в отставку. Мне было пятьдесят. По человеческим меркам — старик. По тифлингским — юнец. У меня впереди были сотни лет жизни, и я не собирался тратить их на тех, кто путает меня с табуретом.

Я замолчал. Взял прутик, поворошил угли. Искры взметнулись в ночное небо, смешиваясь со звёздами.

— А потом была Гильдия Ассасинов.

Тишина стала гуще. Даже филин замолчал, будто прислушиваясь.

— Десять лет. Десять лет я оттачивал искусство тишины и стали. Убивать так, чтобы никто не слышал. Убивать так, чтобы никто не знал. Убивать так, чтобы сама смерть удивлялась, когда душа предстала перед Мораной. — Я посмотрел прямо на Горна, потом на Анну. — Ранг S. Это не просто статус. Это значит, что моё имя произносят шёпотом. Что контракты на меня стоят больше, чем жизни мелких королей. Что я мог войти в любую дверь, и никто не заметил бы, как я вышел.

Я отбросил прутик в огонь.

— Я ушёл из Гильдии. Вежливо. Последний контракт — жрец в отставке. Чистая работа. Клинок в атлант. Мозг — лучший глушитель криков. А потом... — я осёкся. — А потом я очнулся в «Старом Бочонке», в Греймуре, с головной болью и полным непониманием, как я там оказался. Остальное вы знаете.

Я замолчал. Пламя потрескивало, пожирая сухую древесину. Где-то в лесу снова заухал филин.

Горн и Анна переглянулись. Долгий, молчаливый обмен взглядами, понятный только тем, кто давно сражается бок о бок.

Горн повернулся ко мне. Его грубое лицо, освещённое огнём, казалось высеченным из камня.

— Тогда вопрос решён, — пробасил он. — Веди, командир.

Анна улыбнулась — не насмешливо, а тепло, по-настоящему.

— У отряда должен быть лидер, — добавила она. — И, судя по тому, что мы видели сегодня, ты справишься лучше многих.

Я кивнул. Медленно, принимая ответственность.

— Спасибо.

Мы ещё долго сидели у костра, обсуждая детали. Решили, что после официальной регистрации отряда в гильдии все заработанные средства будем складывать в общую казну и брать оттуда по необходимости. Никаких «моё-твое» — только «наше». Отряд, который делит добычу поровну, дерётся насмерть. Отряд, который считает каждую монету, разбегается при первой опасности.

Я знал это по Империи. По Гильдии. По жизни.

В Греймур мы вошли на рассвете.

Город только просыпался. Торговцы открывали лавки, стражники зевали на постах, из пекарен тянуло горячим хлебом. Мы шли через улицы — трое бойцов, уставших, но довольных. Единым отрядом.

В гильдии «Стальной Кулак» нас встретила Линн. Она подняла взгляд от грассбуха, окинула нас оценивающим взглядом и, кажется, сразу всё поняла.

— Регистрация отряда? — спросила она без предисловий.

— Да, — ответил я. — Название: «Волки Греймура».

Линн кивнула, записала.

— Эмблема?

Мы переглянулись. Горн пожал плечами, Анна задумалась. Я прикрыл глаза, представляя.

— Голова волка с оскаленной пастью, — начал я, и Линн заскрипела пером. — На фоне скрещённых мечей. Под головой — буква ранга. Сейчас, видимо, D.

Линн подняла бровь, но промолчала. Закончив запись, она протянула руку:

— Жетоны.

Мы отдали ей свои бронзовые и медные бирки. Линн взяла их и скрылась за дверью в глубине зала, бросив через плечо:

— Ждите в общем зале. Это займёт пару часов.

Мы переглянулись. Горн кивнул в сторону столов.

— Есть хочу так, что готов съесть того паука из подвала. Живым.

— Не рекомендую, — отозвался я. — Они невкусные. И воняют кислым.

Мы скинулись по два серебряных — моя доля ушла из кошель, оставив там ровно десять серебряных и пятнадцать медяков, как услужливо подсказала Система, высветив перед глазами короткую строку:

"Баланс: 10 серебряных, 15 медных."

Заказали мяса — жареного, с кровью, как любил Горн. Овощей — тушёных, с травами. Сыра — твёрдого, с голубой плесенью, остро пахнущего. И эля — чёрного, сладкого, с лёгкой горчинкой и густым ароматом ржи и ячменя. Трактирщик, тот самый гном, что продал мне ножи, принёс всё на тяжёлом деревянном подносе, буркнул что-то про «прожорливых авантюристов» и удалился.

Мы ели. Молча, сосредоточенно, как едят бойцы после долгого дня. Эль был хорош — тёмный, густой, он обволакивал горло теплом и оставлял на языке долгое послевкусие солода. Горн пил кружку за кружкой, Анна цедила свою, задумчиво глядя в окно, где занимался рассвет.

Через два часа вернулась Линн.

В руках у неё были три серебряных жетона на цепочках. Она положила их на стол перед нами. Металл блестел в свете утреннего солнца, льющегося через окно. На каждом была выгравирована голова волка с оскаленной пастью — точёные линии, свирепый оскал, прищуренный глаз. Фоном служили скрещённые мечи, а под головой — чёткая, глубокая гравировка: D.

— Поздравляю, — сказала Линн, и в её голосе впервые за всё время мелькнуло что-то похожее на теплоту. — Теперь вы официально отряд ранга D «Волки Греймура».

Она достала из кармана три ключа на кольцо, положила рядом с жетонами.

— Гильдия предоставляет вам помещение на втором этаже. Вот ключи. Эмблема уже висит на входной двери. При входе — общий зал с камином и большим столом в центре для собраний отряда. Восемь дверей в личные комнаты с мебелью. В каждой — свой душ и туалет. Горячая и холодная вода.

Горн присвистнул. Анна восхищённо выдохнула. Я молча взял свой жетон и ключ.

— И ещё, — Линн указала на стол в центре зала, тот самый, где мы сидели в первый день. Сейчас на нём лежали восемь поясных сумок из тёмной кожи, с серебряной волчьей головой на клапане. — Пространственные карманы. Упрощают сбор добычи и трофеев с заданий. Украсть их нельзя — доступ только у владельцев и командира отряда. Располагайтесь. И помните: Гильдия поощряет заслуги и наказывает за провалы. Вы теперь D-ранговый отряд и можете брать задания от E до C, но с осторожностью.

Она уже повернулась, чтобы уйти, но я остановил её вопросом:

— А сразу несколько заданий брать можно?

Линн обернулась, поправила выбившуюся прядь волос.

— Да, но только если вы уверены, что справитесь.

И ушла обратно за стойку, оставив нас троих за столом, с серебряными жетонами, ключами от новой жизни и остатками эля в кружках.

Я посмотрел на Горна, потом на Анну. Они смотрели на меня — выжидающе, с доверием, которое ещё предстояло оправдать.

— Ну что, «Волки Греймура», — сказал я, поднимая кружку. — За отряд.

— За отряд, — эхом отозвались они, и три кружки столкнулись над столом, расплескав тёмный эль.

Глава 3: С боем на марше

Ночь прошла на удивление спокойно. Никто не ломился в дверь, не орал под окнами, и даже крысы в стенах, если они тут и водились, вели себя прилично. Я лежал на кровати — настоящей, с матрасом, набитым соломой и конским волосом, с шерстяным одеялом, пахнущим лавандой, — и смотрел в потолок. Каменный, с грубой кладкой, но чистый, без подтёков и плесени. Из окна, забранного решёткой, лился лунный свет — серебристый, холодный, он рисовал на полу косые квадраты и заставлял тени в углах шевелиться.

Личная комната. У меня была личная комната. С душем. С горячей водой. Я, Малл'Тисс, бывшая пешка Империи, бывшая тень Гильдии, мылся в горячей воде и спал на кровати, а не на сырой земле в ожидании, пока цель высунет голову из-за угла. Прогресс. Хотя, если задуматься, раньше мне платили больше. Но у прогресса, как у медали, всегда две стороны, и одна из них обычно ржавая.

Я закрыл глаза — привычка, не необходимость. Тифлинги не спят. Мы входим в транс, в медитацию, когда тело отдыхает, а разум парит где-то на границе между явью и демоническими кошмарами. Четыре часа. Этого достаточно, чтобы восстановить силы. Сегодня кошмаров не было — только глухая, вязкая темнота, в которой изредка вспыхивали зелёные строки Системы, беззвучно напоминая о своём существовании. Я к ним уже почти привык. Как к тиканью часов в доме, где живёшь достаточно долго, чтобы перестать замечать.

Утро началось с запаха жареного бекона, просочившегося сквозь щели в полу из таверны внизу. Желудок отозвался глухим урчанием. Я поднялся, размял плечи, проверил клинки — привычка, от которой не избавиться, даже если вокруг мир и покой. Оделся быстро: кожаная куртка, штаны, сапоги, плащ. Хвост привычно спрятал под ткань, хотя в штабе можно было и не скрывать — здесь все свои. Но привычка — вторая натура, а первая у меня — паранойя.

В общем зале уже горел камин. Горн сидел за большим столом, положив ноги на соседний стул, и точил свой топор — мерное вжик-вжик точильного камня о сталь звучало умиротворяюще, как мурлыканье сытого кота. Анна стояла у окна, глядя на просыпающийся город, и расчёсывала свои рыжие волосы — коса сегодня была распущена, и волосы падали на плечи огненным водопадом. В камине потрескивали дрова, пахло дымом и чем-то съестным — видимо, Горн уже успел спуститься в таверну за завтраком.

— О, командир! — Горн поднял голову и широко улыбнулся. — Садись, тут такое дело: я, как ответственный член отряда, взял на себя тяжёлую ношу — заказал нам завтрак. Бекон, яйца, свежий хлеб. Эль не брал — сказал себе: «Горн, рано ещё». Пришлось себя уговаривать. Целых две секунды.

— Твой героизм будет отмечен в летописях, — сухо произнесла Анна, не оборачиваясь. — «Горн-Воздержанный, поборовший жажду до полудня». Редкий подвиг.

— Завидуй молча, — Горн подмигнул ей и снова взялся за топор. — У меня сила воли, как у дварфа перед бочкой гномьей медовухи. Могу и не пить. Главное, чтоб бочку не открывали.

Я усмехнулся и сел за стол. Еда была горячей, жирной, сытной — то, что нужно перед дальней дорогой. Несколько минут мы ели молча, но тишина, как обычно, не продержалась долго.

— Командир, — Горн оторвался от тарелки и посмотрел на меня, — у меня такое чувство, что ты всю ночь не спал. Медитация, говоришь? Вы, тифлинги, конечно, экономите на сне. Но, может, тебе тоже иногда ложиться, как все нормальные люди, а? Для профилактики. А то выглядишь так, будто сам себя похоронил и забыл, где выход.

— Я отдыхаю, — ответил я спокойно. — Четырёх часов достаточно. А ты бы лучше за своим здоровьем следил — вчера храпел так, что, по-моему, ставни дрожали.

— Это не храп! — Горн притворно возмутился. — Это дыхательная гимнастика. Очень полезно для лёгких. Меня в имперской армии так учили: дыши громче — дольше проживёшь.

— В имперской армии тебя, кажется, ещё и перееданию учили, — вставила Анна, садясь за стол. — По крайней мере, глядя на твою порцию, других объяснений у меня нет.

— Завтрак — это святое, — отрезал Горн, накалывая на вилку изрядный кусок бекона. — Ты просто завидуешь, что я могу съесть целого кабана и не поправиться. А ты — вон, тощая, как эльфийская стрела. Тебе бы тоже не мешало налегать на мясо.

— Я лучше тощей останусь, чем с твоим животом, — парировала Анна без тени улыбки. — Мне ещё клинки носить, а не пивную бочку перед собой катить.

— О, простите великую мечницу! — Горн театрально прижал руку к сердцу. — Я-то думал, мы друзья, а ты меня с бочкой сравниваешь. Ранен в самое сердце. Прямо в душу.

— У тебя души — как золота в кармане у нищего, — Анна бросила на него короткий взгляд, но уголки её губ дрогнули. — Не прибедняйся.

— Ладно, — Горн вздохнул, — хотя бы признай, что с моими кулинарными талантами никто в отряде не сравнится. Кто вчера готовил? Я. Кто сегодня завтрак организовал? Я. Кто вообще думает о том, чтобы вы не померли с голоду? Опять я.

— Ты, — согласилась Анна. — И это, пожалуй, единственная причина, по которой мы тебя терпим.

— Терпите? — Горн расхохотался. — Да вы без меня бы со скуки померли! Что бы вы делали вечерами? На звёзды смотрели? Анекдоты сами себе рассказывали? Нет уж, я здесь для того, чтобы поддерживать боевой дух. И желудки. В основном желудки.

Через полчаса, покончив с завтраком и собрав снаряжение, мы спустились в главный зал гильдии. Доска объявлений сегодня была забита сильнее обычного — видимо, ночью кто-то из гильдейских клерков обновил список. Пергаменты топорщились, как чешуя на спине раздражённого василиска, и каждый обещал золото, славу или быструю смерть. Чаще — последнее.

Заданий для одиночек было много: «убить волков», «собрать травы», «охранять склад», «найти пропавшую кошку» (за это, кстати, платили целый серебряный — видимо, кошка была не простая). Заданий для отрядов — меньше, но они были весомее. И одно из них сразу привлекло наше внимание.

Я сорвал пергамент с доски, развернул. Бумага была плотной, с водяными знаками гильдии, чернила — тёмно-синие, ещё не выцветшие. Почерк писаря — аккуратный, но с нервными завитушками, будто рука дрожала, когда он выводил буквы.

Задание ранга D. Расследовать пропажу отряда гвардейцев в Старом лесу. Отряд из шести человек под командованием сержанта Веллера был отправлен в лес семь дней назад для проверки сообщений о нежити. На связь не выходили. Требуется: установить судьбу отряда, по возможности вернуть тела или подтвердить гибель, собрать информацию об угрозе. Награда: 100 серебряных. Заказчик: городская стража Греймура.

Сто серебряных. Сумма, от которой у меня чуть не дёрнулся хвост под плащом. Даже если разделить на троих — тридцать три серебряных и ещё один останется на общак. За одно задание. Это не просто деньги — это возможность экипироваться по-настоящему, купить зелья, зачаровать оружие, отложить на чёрный день.

Но Старый лес... Я слышал о нём ещё в Империи. Древний, тёмный, проклятый, если верить слухам. Место, куда не ходят за грибами и ягодами, куда не забредают случайные путники, и откуда даже звери уходят, если у них есть хоть капля инстинкта самосохранения. Гвардейцы — не новички, шесть опытных бойцов — пропали бесследно. Это не просто волки или бандиты. Это что-то хуже.

Я посмотрел на Горна. Он прочёл пергамент через моё плечо и присвистнул.

— Сто серебряных? Неплохо. За такие деньги можно не только экипироваться, но и неплохо посидеть в таверне пару вечеров. Если, конечно, мы вернёмся.

— Если, — подчеркнула Анна, забирая пергамент и пробежая глазами. — Шесть гвардейцев пропали. Шесть, Горн. Это тебе не пьяные бандиты на тракте. Это обученные бойцы — и они не вернулись. Старый лес... — она нахмурилась. — Слышала я о нём. Местные обходят его стороной. Даже звери туда не заходят.

— Значит, там что-то есть, — я сложил руки на груди. — Что-то, что заставило их исчезнуть без следа. Риск высокий, но награда... сто серебряных. Это не те деньги, от которых отказываются.

— Риск — моё второе имя, — Горн широко улыбнулся. — Вернее, третье. После «выпить» и «поесть». А если серьёзно — если там нежить, мой топор по ней соскучился. Давно не крошил гнилую плоть. Хочется размяться.

— Мой сарказм по тебе соскучился, — отозвалась Анна. — Но если серьёзно — согласна. Сто серебряных на дороге не валяются. И к тому же, если там угроза, о которой мы не знаем, лучше выяснить это сейчас, пока она не стала чьей-то ещё проблемой. Или нашей.

Горн одобрительно кивнул.

— Вот это правильный настрой. А то «риск высокий», «риск высокий»... — передразнил он. — Мы, в конце концов, Волки Греймура. Когда это нас останавливал риск?

— Останавливал, — сухо заметила Анна. — Пару раз. Когда ты чуть не утонул в болоте и когда тебя едва не сожрал паук-переросток. И в обоих случаях ты говорил то же самое: «Хочется размяться». Знаешь, у меня начинает вырабатываться рефлекс: как только ты это говоришь — жди беды.

— Ну, знаешь, — Горн скрестил руки на груди, — если бы не моя «разминка» с тем пауком, ты бы сейчас тут не стояла. Кстати, кто тебя из болота вытаскивал? А? Молчишь? То-то же.

— Ладно, — прервал я их перепалку. — Решение принято. Берём задание.

Я аккуратно свернул пергамент и убрал за пазуху. Решение принято. Осталось подготовиться.

— В Старый лес два дня пути, — сказал я, когда мы отошли от доски. — За это время нужно отработать боевое слаживание. Мы дрались вместе один раз, и то — против бандитов, которые не ожидали сопротивления. В лесу может быть что угодно. Мы должны действовать как единый организм, а не как трое одиночек, которые случайно оказались рядом.

— Согласен, — кивнул Горн. — Я пойду в авангарде, принимаю удар. Анна — фланги, ты — тень, бьёшь с неожиданных направлений. Надо отточить переходы, сигналы, взаимодействие. Как в старые добрые времена в легионе: каждый знает, что делать, и делает это до того, как командир откроет рот.

— По пути и займёмся, — добавила Анна. — А пока — нужно закупиться. В Старом лесу, если верить слухам, нежить. Обычная сталь против неё не так эффективна. Нужно покрытие.

— Жидкое серебро, — кивнул я. — Дорого, но необходимо. И ещё — карты. Если у кого-то есть карты Старого леса, мы должны их достать. Идти вслепую в такое место — верный способ пополнить ряды местной нежити.

Мы направились в торговый квартал.

Лавка картографа нашлась в узком переулке, зажатом между скобяной мастерской и лавкой древностей. Вывеска — потускневший свиток с компасом — болталась на ветру, поскрипывая ржавыми петлями. Внутри пахло старой бумагой, пылью и чернилами. Стены были увешаны картами — от примитивных набросков на коже до настоящих произведений искусства, раскрашенных вручную, с розой ветров и морскими чудовищами на полях.

Картограф — сухонький старичок с лупой на лбу и пальцами, перепачканными чернилами, — сидел за конторкой и что-то чертил на большом листе пергамента. Увидев нас, он поднял голову, прищурился.

— Чего изволите?

— Карту Старого леса, — сказал я, кладя на конторку серебряную монету — аванс. Старичок хмыкнул, отодвинул монету обратно.

— Нет у меня карт Старого леса. Никто туда не ходит, чтобы карты рисовать. А кто ходил — не возвращался. — Он помолчал, почесал нос, оставив на нём чернильное пятно. — Но есть кое-что другое.

Он полез под конторку, порывшись в ящиках и вытащил небольшой кожаный футляр. Открыл. Внутри, на бархатной подкладке, лежал металлический диск размером с ладонь, испещрённый рунами. В центре диска тускло светился кристалл кварца.

— Самописный артефакт, — пояснил картограф с гордостью. — Работа гномов из Цеха Древних Мастеров. Крепится на пояс или в руку. Идёте — он записывает пройденный путь, отмечает ориентиры, реки, овраги, любые изменения рельефа. Вернётесь — я сниму с него данные и сделаю настоящую карту. За каждый квадратный километр, который он запишет, заплачу по пять серебряных.

Я переглянулся с Горном и Анной.

— Рискованно, — заметила Анна. — А если не вернёмся?

— Тогда артефакт, скорее всего, останется в лесу, — пожал плечами картограф. — Но я привык рисковать. Картография — вообще рискованное ремесло. Особенно когда имеешь дело с авантюристами.

Я взял диск. Он был тёплым на ощупь, руны слабо пульсировали в такт моему сердцебиению.

— Договорились. Вернёмся — получишь свою карту и заплатишь нам за квадратные километры.

— Всенепременно, — кивнул картограф и снова уткнулся в свой чертёж.

Мы вышли из лавки. Я прикрепил диск к поясу — он удобно лёг на бедро, не мешая движениям.

— Пять серебра за квадратный километр, — пробормотал Горн. — Если лес большой, можно неплохо заработать. Даже если с заданием не сложится.

— Оптимист, — хмыкнула Анна. — «Если с заданием не сложится» — это значит, что мы умрём. Мёртвым деньги не нужны.

— Мёртвым не нужны, — согласился я. — Но их наследникам — очень даже. У меня, правда, наследников нет. А у вас?

Горн пожал плечами. Анна покачала головой.

— Тогда будем жить, — подвёл я итог. — Из чистого прагматизма. Потому что оставлять заработанное некому — это обидно.

Следующей остановкой была оружейная лавка «Союз Стальных Молотов» — та самая, где я покупал метательные ножи. Гном за прилавком, увидев меня, хмыкнул в бороду.

— А, рогатый. Снова ты. Смотрю, друзьями обзавёлся. — Он окинул оценивающим взглядом Горна и Анну. — И не мелочью, смотрю. Ну, чего на этот раз? Ещё ножей? Или что посерьёзнее?

— Жидкое серебро, — сказал я. — Для покрытия оружия. Три порции.

Гном присвистнул.

— Три порции? А ты не мелочишься. Два серебряных за порцию. Итого шесть.

— А если возьмём оптом, скидка будет? — Горн шагнул вперёд, придерживая топор за спиной. — Мы, знаешь ли, постоянные клиенты. Уважаемые люди. Волки, между прочим.

Гном хмыкнул, оглядев его с головы до ног.

— Волки, говоришь? По тебе видно — вон какой откормленный. Ладно, для хороших клиентов... Даже не знаю. Могу дать скидку в пять процентов, но только если скажешь, что мои ножи лучше, чем у старого Харгана из соседней лавки.

— Твои ножи лучше, — не моргнув глазом ответил Горн. — Я их даже в бою видел. А у Харгана — ржавчина и брак.

— Вот это я понимаю — честный человек! — гном расхохотался. — Ладно, уговорил. Шесть серебряных. Давай деньги, получай товар.

Я полез в кошель, отсчитал две монеты. Горн и Анна сделали то же самое. Шесть серебряных — по два с каждого — легли на прилавок. Гном сгрёб их, исчез под прилавком и вынырнул с тремя небольшими флаконами из тёмного стекла, заткнутыми восковыми пробками. Жидкость внутри была густой, серебристой, переливалась, как ртуть.

— Наносить на лезвие тонким слоем, — проинструктировал гном, возвращаясь к деловому тону. — Высыхает за минуту. Держится около четырех суток, потом надо обновлять. Против нежити — самое то. Против обычной плоти, — он усмехнулся, — тоже работает, но серебро жалко тратить. Если что — заходите ещё, у меня как раз новая партия адамантитовых заготовок. Волкам — скидка.

Я взял флаконы, раздал Горну и Анне.

— Спасибо. Зайдём, если живы будем.

— Вот это я и хотел услышать, — гном кивнул. — Удачи, рогатый. И друзьям твоим удачи. Похоже, она вам понадобится.

Мы вышли на улицу. Солнце уже поднялось над крышами, тени стали короче, город шумел вовсю. До Старого леса два дня пути. За это время мы должны стать отрядом не только на бумаге, но и в бою.

— Выходим через час, — сказал я. — Проверьте снаряжение, нанесите серебро на клинки. И помните: два дня — это не только дорога. Это тренировки. Я хочу, чтобы к моменту, когда мы войдём под кроны Старого леса, мы понимали друг друга без слов.

Горн кивнул.

— Сделаем, командир. Я как раз хотел проверить, не заржавел ли мой топор от безделья.

— Ты его точишь каждый день, — заметила Анна. — Он у тебя скоро станет тоньше моего клинка.

— Зато острый, — Горн похлопал по рукояти. — Таким хоть дрова руби, хоть нежить. Универсальная вещь.

Через час мы стояли у восточных ворот — тех самых, где ещё вчера болтался труп насильника. Сегодня виселица была пуста. Видимо, тело сняли и закопали где-нибудь за городской стеной, в общей могиле для преступников и бродяг. Ветер нёс запах пыли, конского навоза и приближающейся осени. Где-то впереди, за полями и перелесками, темнела полоса Старого леса — древнего, угрюмого, ждущего.

Я поправил перевязь с клинками, проверил, легко ли выходит восточный меч, коснулся флакона с жидким серебром в кармане. Хвост под плащом дёрнулся — предвкушение или тревога? Я ещё не разобрался.

— Ну что, Волки, — Горн потянулся, хрустнув плечами. — Вперёд, к славе? Или, на худой конец, к деньгам. Деньги меня, честно говоря, устраивают больше. Со славой мороки много.

— Деньги — это тоже неплохо, — Анна поправила перевязь. — Но я предпочитаю выжить. Так что давайте обойдёмся без лишнего героизма.

— Договорились, — я усмехнулся. — Никакого героизма. Только холодный расчёт и сто серебряных в кармане. Вперёд, Волки Греймура.

И мы зашагали по тракту, оставляя город за спиной. День только начинался, а впереди были два дня пути, отработка боевого слаживания, Старый лес, пропавший отряд гвардейцев и сто серебряных награды.

Рассвет встретил нас серым небом и обещанием дождя.

Тучи висели низко, тяжёлые, набухшие влагой, цепляясь брюхом за вершушки дальних холмов. Воздух был плотным, влажным, пах мокрой пылью и приближающейся грозой. Где-то далеко, за горизонтом, глухо рокотало — не то гром, не то камнепад в горах. Ветер трепал край моего плаща, забирался под куртку, лизал холодом шею. Хвост под тканью дёрнулся, недовольный погодой.

Я стоял у восточных ворот, перекинув через плечо мешок с припасами — вяленое мясо, сухари, фляга с водой, запасные метательные ножи, флакон с жидким серебром. Мешок оттягивал плечо, но тяжесть была привычной, успокаивающей — как вес клинка в руке. Я смотрел, как Горн и Анна затягивают последние ремни на своих заплочных мешках.

Горн сегодня выглядел так, будто всю ночь воевал с подушкой и проиграл. Его лицо, и без того грубое, сейчас казалось высеченным из серого гранита, но вместо хмурой угрюмости на нём играла кривая усмешка.

— Командир, — проворчал он, дёргая ремень, — ты знаешь, что такое настоящая пытка? Это когда тебе, ветерану, привыкшему к жёсткой земле и корням под спиной, вдруг дают кровать с периной. Я всю ночь вертелся, как уж на сковородке. Мягко слишком. Непривычно. Чуть не утонул в этой роскоши — еле выплыл.

— Бедный воин, — отозвался я без тени сочувствия, — замученный комфортом. Надеюсь, ты не захлебнулся в подушке? А то представляю заголовки в гильдейской газете: «Тяжёлый пехотинец пал жертвой пухового одеяла».

Горн хмыкнул, оценив шутку.

— Смейся, рогатый. Вот дойдём до Старого леса — там и посмотрим, кто как спит на голой земле. Небось, сам втайне мечтаешь о мягкой постели, только признаться боишься.

— Я не сплю, — напомнил я. — Тифлинги медитируют. Так что твои страдания мне чужды.

— Вот всегда так, — Горн покосился на Анну, которая молча проверяла клинки. — Скажешь что-то о высоком, а тебя тут же носом в демоническую физиологию ткнут. Никакого уважения к чужим неудобствам.

Анна, не поднимая головы, хмыкнула:

— Может, тебе ещё и подушку с собой таскать? Или няньку, чтобы сказки на ночь рассказывала?

— От няньки бы не отказался, — Горн расплылся в ухмылке. — Особенно если она будет хорошенькая и с кружкой эля. Но от тебя, Анна, я бы и сказку послушал. Уверен, у тебя в запасе есть парочка страшных — про то, как нерадивый воин не выспался и его съели вурдалаки.

— Обойдётся, — отрезала Анна, но уголки её губ дрогнули. — И соберись уже. Ты задерживаешь нас больше, чем командир со своими тренировками.

— Я готов, — Горн затянул последний ремень на топоре. Кожа скрипнула, пряжка звякнула. Лезвие топора, покрытое свежим слоем жидкого серебра, тускло блестело в сером утреннем свете — холодный, мертвенный отблеск, обещающий нежити быструю и окончательную смерть.

Анна, напротив, казалась сосредоточенной и спокойной. Её движения были точными, выверенными — ни одного лишнего жеста. Она проверила оба клинка: вынула из ножен, осмотрела лезвия, провела пальцем вдоль серебряного покрытия, проверяя, ровно ли легло. Осталась довольна. Вернула клинки на место, поправила перевязь, чтобы рукояти оказались точно там, где привыкла хватать. Её рыжие волосы были заплетены в тугую косу, переброшенную через плечо, и коса эта лежала так, чтобы не мешать движению правой руки.

— Всё, — сказал я, когда они закончили. — Выходим.

Мы двинулись по тракту на северо-восток. Греймур остался за спиной — сначала предместья с их покосившимися домишками, крытыми дранкой, и бродячими собаками, лениво провожавшими нас взглядами. Потом поля — рожь и ячмень, уже сжатые, оставившие после

себя только стерню, торчащую из земли, как щетина на лице мертвеца. Перелески — островки деревьев, где ветер шумел в кронах, а под ногами хрустели сухие ветки. Редкие фермы — приземистые строения с заколоченными наглухо ставнями, из труб которых вился жидкий дымок.

Дорога была пустынной. Редкие повозки — крестьяне везли в город последние овощи перед холодами. Редкие путники — по большей части такие же авантюристы, как мы, только рангом пониже, судя по обтрёпанному снаряжению и затравленным взглядам. Они бросали на нас любопытные взгляды, оценивали экипировку, задерживались на моих рогах — и быстро отводили глаза. Привычно. За шестьдесят лет я научился не замечать эти взгляды. Почти научился.

— Начинаем тренировку, — сказал я, когда мы отошли от города примерно на час.

Тракт здесь становился уже, колеи от колёс — глубже, а по сторонам тянулись заросли дикого кустарника — колючего, цепкого, идеального для засады. Самое время проверить, на что способен мой отряд.

— Походный порядок. Я в голове. Горн — в центре, на три шага позади меня и чуть левее. Анна — замыкающая, три шага позади Горна и чуть правее. Дистанция не сокращается, не увеличивается.

Горн переглянулся с Анной. Та пожала плечами и заняла позицию.

— А если ты резко остановишься? — спросил Горн, поправляя лямку мешка.

— Тогда вы тоже останавливаетесь. Без вопросов. Без раздумий. Просто замираете на месте и ждёте сигнала. — Я обернулся, встретился взглядом с каждым. — Вопросы?

Вопросов не было.

Мы пошли. Я отсчитывал шаги — привычка, оставшаяся с имперских маршей. Раз-два, раз-два. Прислушивался к дыханию за спиной. Горн топал тяжело, его сапоги впечатывались в грунт с глухим бум-бум, но ритм держал ровно. Анна ступала почти бесшумно — я слышал её только по лёгкому шелесту плаща и изредка по хрусту мелких камешков под каблуками. Хороший навык. Значит, скрытность у неё на уровне.

Первый час я просто шёл, не подавая сигналов. Проверял дисциплину. Никто не отвлекался, не разговаривал, не сбивался с шага. Даже Горн, при всей своей кажущейся неуклюжести, держал дистанцию с точностью до полушага. Хорошо. База есть.

Потом я поднял левую руку — открытая ладонь, пальцы вместе.

Шаги замерли. Мгновенно. Горн застыл с поднятой ногой — нелепая поза, но он не шелохнулся. Анна просто остановилась, будто наткнулась на невидимую стену. Дыхание обоих стало тише, поверхностным — они слушали. Я подождал пять секунд, считая про себя, затем опустил руку и пошёл дальше. Сзади послышалось синхронное движение — они восстановили дистанцию, не догоняя, не отставая.

— Принимается, — сказал я, не оборачиваясь.

Следующие два часа я гонял их сигналами.

Правая рука в сторону, ладонь параллельно земле — рассредоточиться. Анна уходила вправо, в высокую траву, сливаясь с ней так, что даже мой демонический взгляд на мгновение терял её. Горн — влево, к редким кустам, где его массивная фигура казалась особенно нелепой, но он старательно пригибался, пытаясь стать незаметным. Получалось плохо, но старание засчитывается.

Два пальца вверх, резкий выброс вперёд — атака. Я разворачивался, делал короткий шаг вперёд, имитируя удар — без оружия, просто корпусом, — и они должны были парировать. Не клинками, а движением: уклониться, отступить, сместиться в сторону.

Горн сначала тупил. Он уходил в сторону слишком резко, всем телом, теряя равновесие и опору. Его правая нога скользила по влажной траве, плечо заваливалось, и он тратил драгоценные секунды на восстановление стойки. Я остановил тренировку, подошёл к нему.

— Ты не на турнире, — сказал я, глядя ему в глаза. — Не нужно делать лишних движений. Просто шаг назад и вбок. Полшага. Не больше. Экономия энергии. Твоя задача — не уклоняться от всего подряд. Твоя задача — держать фронт и не пускать врага дальше. Понял?

— А если враг быстрый? — спросил он, тяжело дыша. Пот градом катился по его лбу, впитывался в бороду.

— Если враг быстрый — ты уже мёртв. — Я говорил ровно, без эмоций, констатируя факт. — Потому что твоя работа — не уворачиваться от быстрых врагов. Твоя работа — стоять стеной, пока Анна и я их режем. Запомни: ты — стена. Стена не уворачивается. Она стоит и не пускает.

Горн нахмурился, переваривая. Потом медленно кивнул. В следующий раз, когда я подал сигнал атаки, он отработал чисто: короткий шаг назад и влево, корпус остался развёрнут к противнику, руки — на уровне груди, готовые блокировать. Я мысленно поставил ему плюс.

Анна была быстрее. Её перемещения — точные, экономные, ни одного лишнего жеста. Я специально ускорял темп, подавал сигналы один за другим, чтобы сбить её с ритма: атака — рассредоточиться — сблизиться — атака. Она не сбивалась. Её тело реагировало раньше, чем разум осознавал команду — рефлекс, отточенные годами тренировок. Только под конец, когда я симитировал атаку с двух сторон (повернулся к ней, потом резко к Горну, потом снова к ней), она чуть замешкалась — на долю секунды задержалась взглядом на мне, вместо того чтобы уже уходить в сторону. Но тут же восстановилась.

— Хорошо, — сказал я, останавливая упражнение. — Но есть нюанс.

— Какой? — Анна поправила сбившуюся прядь, выбившуюся из косы. Дыхание у неё было ровным, только лёгкий румянец на щеках выдавал нагрузку.

— Ты перед атакой делаешь ложный замах. Я видел это ещё в бою с бандитами. — Я подошёл ближе, остановился в двух шагах. — Ты чуть отводишь плечо назад, прежде чем выхватить клинок. Опытный противник прочтает тебя за секунду и ударит на опережение.

Анна нахмурилась. Её зелёные глаза сузились, пальцы бессознательно коснулись рукояти.

— Я не замечала.

— Поэтому я и говорю. Надо избавляться от привычки. Атакуй сразу. Без замаха. Клинок должен идти кратчайшим путём — из ножен в цель. Никаких лишних движений.

Она кивнула, и следующие полчаса отрабатывала прямой удар. Выхватить — удар — вернуть в ножны. Снова и снова. Сначала медленно, следя за плечом, потом быстрее. К вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, у неё начало получаться: движение стало слитным, без задержки, клинок вылетал из ножен, как язык змеи.

К закату мы сделали привал.

Место выбрали у небольшого ручья, пересекавшего тракт. Вода была чистой, холодной, пахла железом и мятой. Горн рухнул на траву, как подкошенный — мешок свалился рядом, топор воткнулся в землю. Он раскинул руки и простонал, глядя в небо:

— Командир, ты нас в гроб загонишь до того, как мы до леса дойдём. Я уж думал, что помру не от нежити, а от твоих упражнений. Прямо трагедия: ветеран имперской армии, павший жертвой строевой подготовки.

— В лесу вас убьют быстрее, — ответил я, разжигая костёр. — Причём гораздо менее героической смертью, чем от моих упражнений. Какой-нибудь вурдалак сожрёт тебя во сне, и будешь ты не легендой, а просто ужином.

Сухие ветки занялись с первого огнива — я собрал их по пути, предусмотрительно. Огонь затрещал, пожирая древесину, и по поляне разлилось тепло, отгоняя вечернюю прохладу. Дым поднимался вверх, серый, пахучий, и растворялся в сумерках.

— Так что выбирайте: или я гоню вас до седьмого пота, или вы становитесь ужином для древнего зла.

— Выбираю ужин, — буркнул Горн и полез в мешок за вяленным мясом. — По крайней мере, умирать буду не на пустой желудок. И, может, успею напоследок выпить.

— Вечно ты со своей выпивкой, — заметила Анна, садясь у костра и вытягивая ноги. — С таким подходом тебя не вурдалак сожрёт, а цирроз печени. Хотя, может, печень у тебя уже такая, что даже нежить побрезгует.

— Вот и славно, — Горн откусил кусок мяса. — Значит, у меня есть естественная защита. Пусть нежить думает, что я протух.

Анна села у костра, вытянув ноги. В свете огня её лицо казалось уставшим, но спокойным. Тени плясали на скулах, в глазницах, делая её похожей на какую-то древнюю статую. Она стянула сапоги, пошевелила пальцами — кожа на пятках покраснела, но мозолей не было.

— Ты жёсткий тренер, Малл'Тисс, — сказала она, глядя в огонь.

— Я живучий тренер, — поправил я, доставая из мешка хлеб и сыр. — Моя жизнь зависит от ваших навыков. Поэтому я заинтересован в том, чтобы вы стали лучше.

— Эгоист, — усмехнулась она, но без злобы. Скорее, с пониманием.

Я достал артефакт картографа — металлический диск с синим камнем в центре. Тот всё ещё молчал, камень был тусклым, не светился. Мы были далеко от Старого леса, и записывать пока было нечего. Я сунул диск обратно в поясную сумку и принялся за еду. Хлеб был чёрствым, сыр — солёным, с кислинкой, вода из фляги — тёплой и отдавала кожей. Но после целого дня марша и тренировок это казалось пиршеством.

Горн жевал вяленое мясо, запивая из своей фляги — судя по запаху, там был не только вода, но и что-то покрепче. Анна ела только хлеб, от сыра отказалась. Я заметил, что она вообще ела мало — видимо, привычка, выработанная годами жизни в дороге, где припасы всегда на исходе.

Ночь опустилась быстро. Солнце утонуло за холмами, и небо из серого стало глубоким, тёмно-синим, почти чёрным. Звёзды высыпали, как рассыпанная по бархату серебряная пыль. Где-то вдалеке, за полями, завыл волк — тоскливо, протяжно, и ему ответил второй, ближе. Горн, уже успевший задремать, вздрогнул, но не проснулся.

Я подбросил дров в костёр. Пламя взвилось выше, затрещало, бросая пляшущие тени на стволы деревьев. Сел, прислонившись спиной к шершавому стволу дуба, вытянул ноги к огню. Хвост обвил пояс с ножами — привычка, чтобы не мешался и был готов к броску.

Горн уснул первым. Он захрапел — громко, раскатисто, с присвистом, — и мне показалось, что даже ветки над головой задрожали. Если в округе были бандиты, они наверняка решили, что это медведь, и обходили нашу стоянку десятой дорогой. Анна сидела напротив, поджав ноги, и клевала носом. Голова её то и дело опускалась, рыжая коса скользила по плечу, и она резко вскидывалась, хлопая глазами.

— Ложись, — сказал я ей. — Я посторожу.

— Ты уверен? — Она зевнула, прикрыв рот ладонью. — Тебе же тоже нужен отдых.

— Тифлинги не спят. Я же говорил. Иди.

Она не стала спорить. Свернулась калачиком на своём плаще, подложив мешок под голову, и через минуту её дыхание стало ровным, глубоким. Только ресницы чуть подрагивали — видимо, снилось что-то беспокойное.

Я остался один.

Костёр трещал, пожирая дрова, и в его свете мир сужался до круга тепла и теней. За кругом — темнота, густая, вязкая, полная шорохов и неясных звуков. Где-то в той темноте, в двух днях пути, ждал Старый лес. И то, что в нём проснулось. Древнее. Голодное. То, что заставило исчезнуть отряд из шести гвардейцев, не оставив даже костей.

Я провёл пальцем по лезвию восточного меча. Серебряное покрытие отливало синим в свете костра — холодный, мертвенный блеск. Хорошая сталь. Острое серебро. Если там нежить — она пожалеет, что восстала из могилы. Если что-то другое... что ж, посмотрим.

Перед глазами всплыла строка — зелёная на чёрном, безличная, холодная.

=== СОСТОЯНИЕ ОТРЯДА «ВОЛКИ ГРЕЙМУРА» ===

Ранг: D

Сытость: 80%

Усталость: средняя

Боевой дух: высокий

Синхронность: 67% (улучшено за день на 12%)

=====

Я хмыкнул, глядя на цифры. Система оценивала даже то, что я считал неуловимым — боевой дух, синхронность. Шестьдесят семь процентов. Неплохо для первого дня. Но недостаточно. В настоящем бою, против серьёзного противника, мы должны быть единым организмом. Девяносто процентов минимум. Иначе — смерть.

— Прогресс это хорошо, но как же тобой научиться пользоваться, система, — прошептал я задумчиво, закрывая таблицу взмахом руки.

Она не ответила. Она никогда не отвечала. Просто висела где-то в основании черепа, холодная, безличная, наблюдающая. Как имперский писарь, фиксирующий потери легиона в графе «расходные материалы». Я начинал к ней привыкать. И это пугало больше, чем любые монстры Старого леса.

Я закрыл глаза и вошёл в медитацию. Мир вокруг не исчез — он стал другим. Серым, размытым, сотканным из теней и полусвета. Дыхание замедлилось, сердце забило реже. Тело расслабилось, но разум оставался настороже, ловя каждый звук, каждый шорох, каждое дуновение ветра. Четыре часа такого покоя — и я буду готов к новому дню.

Хвост обвил пояс с ножами, кончик с кисточкой подрагивал в такт моему дыханию. Впереди был второй день похода. А потом — лес.

Если меня сейчас не убьют, день определённо станет лучше.

Я усмехнулся про себя, не размыкая губ. Старая шутка, но в ней было зерно истины. Хотя что-то мне подсказывало, что в Старом лесу «лучше» — не самый подходящий эпитет. Скорее, «менее смертельно». Или «отсроченная гибель».

Второй день начался просто... «прекрасно».

Я открыл глаза, выходя из медитации, и первое, что ощутил, — холодную каплю, скатившуюся по рогу и упавшую прямо на переносицу. За ней вторую. Третью. Небо, ещё вчера серое и многообещающее, сегодня прорвало, как гнилой бурдюк с элем. Дождь лил стеной — плотной, отвесной, превращая воздух в мокрую взвесь. Капли барабанили по листьям, по земле, по моему плащу, создавая монотонный, сводящий с ума шум. Пахло мокрой землёй, прелой травой и озоном — где-то далеко, на востоке, сверкнула молния, и через несколько секунд донёсся глухой раскат грома.

Горн проснулся от того, что дождь залил ему лицо. Он сел, отплёвываясь и ругаясь сквозь зубы, его борода промокла насквозь и свисала с подбородка жалкой сосулькой. Анна, свернувшаяся калачиком под плащом, тоже поднялась — её рыжие волосы потемнели от влаги, прилипли к щекам, но взгляд был ясным, сосредоточенным.

— Обожаю походы, — буркнул Горн, выжимая бороду. — Особенно когда с утра тонна воды с неба. Бесплатный душ. Прямо курорт. Только птичек поющих не хватает.

— Могло быть хуже, — отозвался я, накидывая капюшон. — Мог быть град. Или камнепад. Или стая голодных гарпий.

— Ты всегда такой оптимист? — хмыкнула Анна, убирая мокрую косу под воротник. В её голосе слышалась привычная колкость, но без настоящей злости.

— Реалист, — поправил я. — Гарпии были бы хуже. У них клювы острые и характер скверный. А дождь — просто вода. Она мокрая, но не смертельная.

— Не смертельная, но противная, — уточнила Анна, отряхивая плащ. — Терпеть не могу, когда мокрое лезет в рукава.

Горн покосился на неё:

— Ты же вроде боевая девица. Привыкай. Или хочешь, чтобы я над тобой плащ держал, как над благородной дамой?

— Ещё раз предложишь — сам окажешься под плащом. В луже, — отрезала Анна, но уголки её губ дрогнули.

Мы быстро собрали лагерь — костёр всё равно потух, даже угли не тлели, — и двинулись дальше. Дорога превратилась в месиво из грязи и луж. Сапоги чавкали, скользили, с каждым шагом набирая на подошву слой липкой земли. Плащ промок насквозь за полчаса и теперь противно лип к плечам. Хвост под ним дёргался, стряхивая капли, но толку было мало.

Мы шли молча. Разговаривать под таким дождём — пустая трата сил, слова тонут в шуме воды, не долетая до ушей. Я вёл отряд, поглядывая по сторонам — видимость упала до полусотни шагов, дальше всё тонуло в серой пелене. Демоническое зрение помогало, но не сильно — дождь был слишком плотным, он размывал тепловые следы, делал мир плоским, однородным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.